
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 46 НОЯБРЬ 1975

ЛЕНИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 46 (2523)

15 НОЯБРЯ 1975

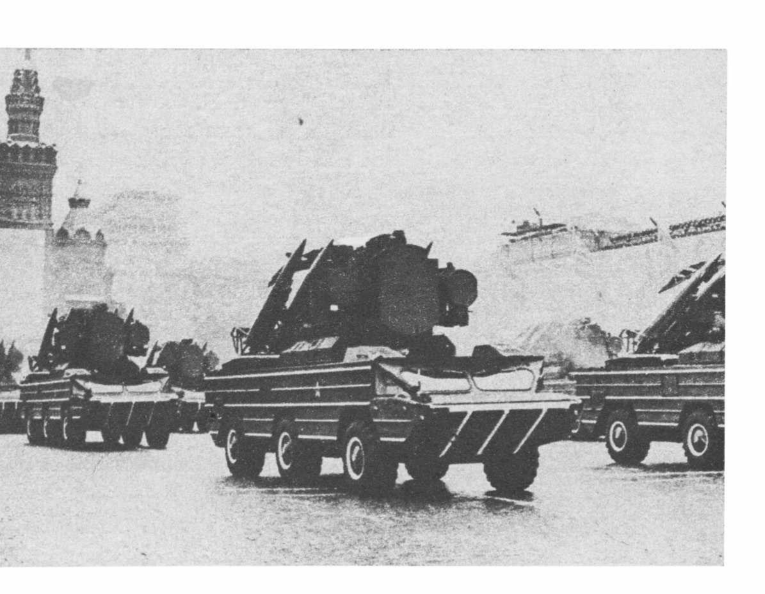
МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ, 7 НОЯБРЯ 1975 ГОДА

Репортаж с Красной площади вели Дм. Бальтерманц, А. Гостев, А. Награльян.

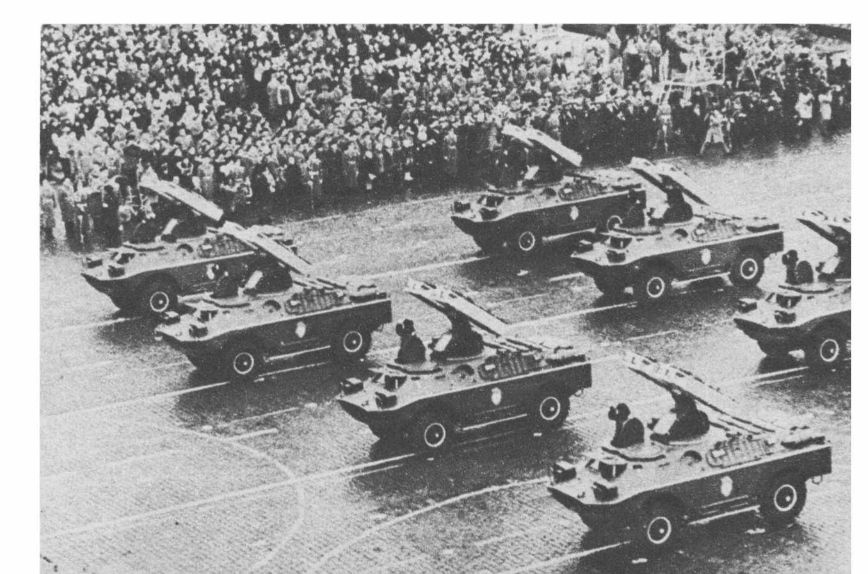

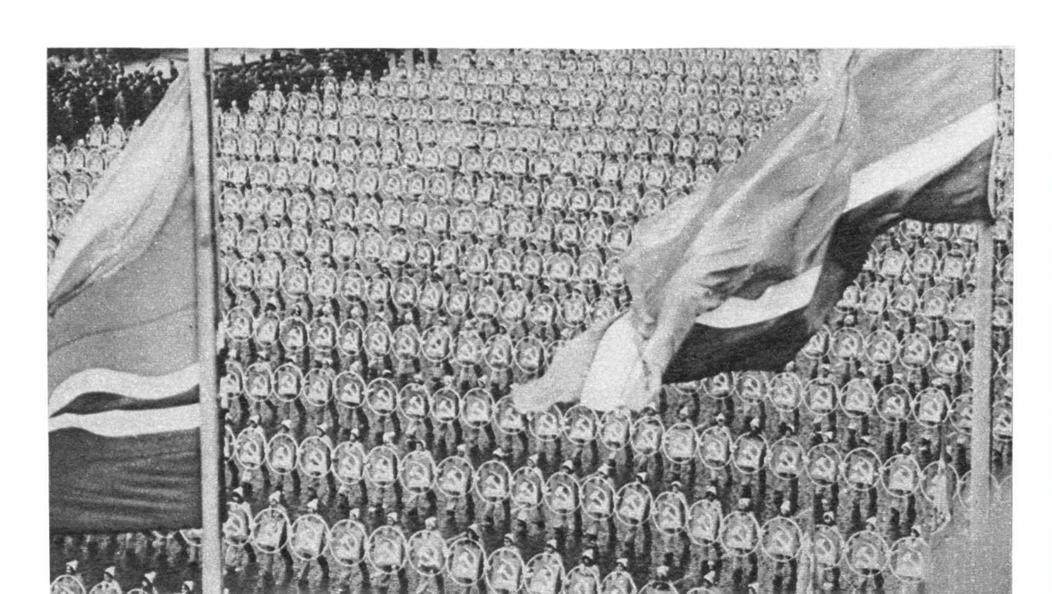

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ, 7

НОЯБРЯ 1975 ГОДА

Американский прогрессивный художник Антон Рефрежье сердечно поздравляет читателей журнала «Огонек» с 58-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

Москва, Кремлевский Дворец съездов. 6 ноября 1975 года.
Торжественное заседание, посвященное 58-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Фото А. Гостева.

ОТЪЕЗД ЛЕ ЗУАНА ИЗ МОСКВЫ

Находившийся в Советском Союзе по приглашению ЦК КПСС на кратковременном отдыхе Первый секретарь ЦК Партии трудящихся Вьетнама Ле Зуан 8 ноября отбыл из Москвы в Варшаву. Он возглавляет партийно-правительственную делегацию ДРВ, направляющуюся в Польскую Народную Республику с официальным дружеским визитом.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами ДРВ и СССР, Ле Зуана и членов делегации провожали член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуров, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, член Центральной ревизионной комиссии КПСС, первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС О. Б. Рахманин и другие товарищи.

На снимке: проводы на Внуковском аэродроме. Фото А. Гостева.

К празднику Великого Октября прошло присуждение Государственных премий СССР 1975 года. В числе лауреатов в области литературы, искусства и архитектуры: **АБРАМОВ** Федор Александрович, писатель,— за трилогию «Пряслины»; **ГУЛЯЕВ** Юрий Александрович, народный артист СССР,— за концертные программы и оперные партии 1971—1973 гг.; **КАРМЕН** Роман Лазаревич, народный артист СССР, автор сценариев и режиссер,— за трилогию художественно-публицистических фильмов: «Пылающий континент», «Чили. Время борьбы, время тревог», «Камарадас. Товарищи»; **КУПРИЯНОВ** Михаил Васильевич, **КРЫЛОВ** Порфирий Никитич, **СОКОЛОВ** Николай Александрович (Кукрыниксы), Герои Социалистического Труда, народные художники СССР,— за иллюстрации и оформление книги Н. С. Лескова «Левша»; **ЛУПАН** Андрей Павлович, поэт,— за цикл «Магистрали» из книги стихов «Ноша своя»; **ОЛЕЙНИК** Борис Ильич, поэт,— за книгу стихов «Стою на земле»; **ПАХМУТОВА** Александра Николаевна, заслуженный деятель искусств РСФСР, композитор,— за песни последних лет (1971—1974 гг.); **ПОПКОВ** Виктор Ефимович, художник (посмертно),— за цикл картин «Размышления о жизни»: «Строители Братска», «Полдень», «Бригада отдыхает», «Семья Болотовых», «Шинель отца»; **ЯНШИН** Михаил Михайлович, народный артист СССР,— за исполнение ролей Мамаева в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты» и Абеля в спектакле «Соло для часов с боем» в Московском Художественном академическом театре Союза ССР имени М. Горького.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР 10 ноября в Советский Союз с официальным визитом прибыл Федеральный президент Федеративной Республики Германии Вальтер Шеель с супругой.

Вместе с высоким гостем в Москву прибыли федеральный министр иностранных дел Г.-Д. Геншер, другие официальные лица.

10 ноября в Кремле состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного и члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с Федеральным президентом ФРГ В. Шеелем и заместителем федерального канцлера, федеральным министром иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншером.

В ходе состоявшейся беседы было отмечено важное значение осуществленного за последние годы поворота к нормализации и всестороннему углублению отношений между СССР и ФРГ, налаживанию плодотворного сотрудничества между ними в интересах народов обоих государств, упрочения мира и международной безопасности. Обе стороны выразили уверенность в том, что отношения между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии в различных областях будут неуклонно расширяться и совершенствоваться, и подтвердили свою решимость предпринимать эффективные усилия в этом направлении.

Беседа проходила в атмосфере откровенности и взаимопонимания.

Во время встречи. Фото А. Гостева

НАШ ДРУГ АННА ЗЕГЕРС

19 ноября исполняется 75 лет известнейшей немецкой писательнице-коммунистке Анне Зегерс, активной участнице антифашистской борьбы и строительства новой Германии, лауреату международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» и неоднократному лауреату Национальной премии Германской Демократической Республики, одному из выдающихся мастеров литературы социалистического реализма.

Имя Анны Зегерс становится известным и на родине и за рубежом вскоре после появления ее первого романа «Восстание рыбаков», вышедшего в 1928 году. С тех пор главной темой творчества писательницы были и остаются «социальные отношения и бои нашего века». Суровые, беспощадные книги Зегерс — «Оцененная голова» (1933), «Седьмой крест» (1942), «Транзит» (1943), «Мертвые остаются молодыми» (1949) — складываются в единый цикл, которым она рассказала горькую правду о жизни своего народа в годы гитлеровской диктатуры. Открыто и всесторонне исследовала писательница истоки покорности фашизму, но главными героями ее романов были мужественные борцы, противостоявшие коричневой чуме.

Полны неистребимой веры символические слова, которыми заканчивался «Седьмой крест» — история побега коммуниста из концентрационного лагеря: «Все мы знали, как беспощадно и страшно внешние силы могут терзать человека до самых глубин его существа, но мы знали и то, что в самой глубине человеческой души есть что-то неприкосновенное и неприступное навеки».

Большинство послевоенных произведений Анны Зегерс посвящено строительству социализма в родной стране. Романы «Решение» (1959) и «Доверие» (1968) отмечены пристальным вниманием к делам, радостям и тревогам простых, рядовых людей. Писательницу волнует, как в их жизнь, в их души входит то новое, что далось ее народу такой дорогой ценой.

Советские люди, прогрессивная мировая общественность, читатели многих и многих стран поздравляют в эти дни выдающуюся немецкую писательницу и желают дорогому юбиляру новых свершений, новых успехов.

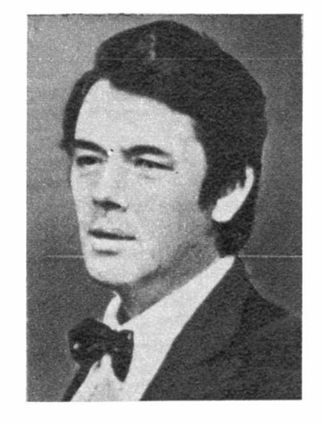
Здоровья и счастья вам, Анна Зегерс!

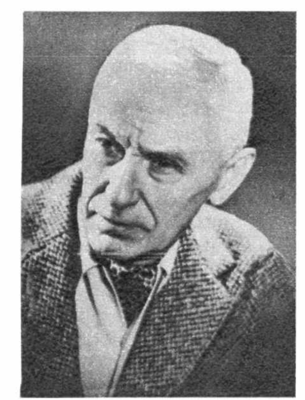
НОВЫЕ ЛАУРЕАТЫ

Ф. А. Абрамов

Ю. А. Гуляев

Р. Л. Кармен

М. В. Куприянов, Н. А. Соколов, П. Н. Крылов

А. П. Лупан

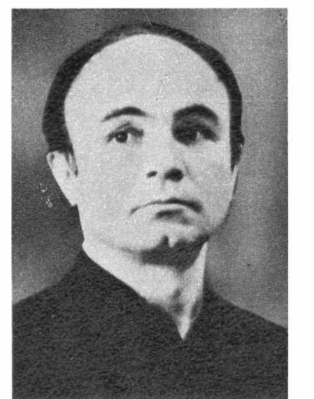
Б. И. Олейник

А. Н. Пахмутова

В. Е. Попков

М. М. Яншин

В ПЕЧАТИ ОПУБЛИКОВАНО ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС И СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР О ПРИСУЖДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ СССР 1975 ГОДА. СРЕДИ ЛАУРЕАТОВ — ЗВЕНЬЕВОЙ УБОРОЧНО-ТРАНСПОРТНОГО ЗВЕНА НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БОЧКАРЕВ.

Николай БЫКОВ

СПРАВКА, полученная в бухгалтерии совхоза «Московский», Целинского района, Ростовской области:

Уборочно-транспортное звено Героя Социалистического Труда Бочкарева Н. В. в составе 8 комбайнеров, механика и слесаря-шофера технической летучки убрало урожай зерновых 1975 года с общей площади 6 508 га, намолотив 120 528 центнеров зерна бункерного веса, за что комбайнерам начислена зарплата в сумме 14 062 руб. 55 коп.

Никогда не держал в руках подобного документа! Цифры четырехзначные, пятизначные, шестизначные ошеломили. Конечно, я догадывался, что ждет меня в «Московском» нечто непривычное, но чтобы такое... Имя Николая Васильевича Бочкарева известно в стране, особенно механизаторам, с июля прошлого года. Сначала появились в газетах «молнии» с уборочного фронта 1974 года: за 23 часа намолочено 8 тысяч центнеров! За подвигом последовала достойная награда — был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Николаю Васильевичу звания Героя Социалистического Труда. Его товарищи были награждены орденами. Казалось бы, сражение закончено, победа — вот она, чего же еще? Отбой. И какое-то время приятная докука славы. Но, принимая золотую звезду Героя Социалистического Труда, Бочкарев огласил новое обязательство: намолотить в следующем году, то есть в нынешнем, семьдесят пятом, сто двадцать тысяч центнеров зерна!

Сто двадцать тысяч... Возможно ли? Пусть не один, пусть будут и внимание и поддержка, но сто двадцать тысяч — это же гора, это две сотни «пульманов», это... В общем, обязательство прозвучало дерзко, азартно, и страх брал за обязующихся. Но вот она, справка главного бухгалтера совхоза Алексея Михайловича Леднева, лежит передо мной. И по дороге в «Московский» я думал о Бочкареве. Признаться, о нем одном, хотя в звене, кроме его «Колоса», ходили еще три комбайна, работали еще семь комбайнеров.

Сказалась, очевидно, инерция: что бы ни произошло, все относить на счет одного человека — героя, ударника. Звучало имя Бочкарева громче имен остальных, таких же, как он, комбайнеров, членов звена. Вольно да и невольно, по привычке я все немыслимые производственные успехи относил на счет одного звеньевого, имя которого слышал чаще других. А ведь, по сути, речь с самого начала необычного организационно-технического эксперимента в совхозе «Московский» шла именно о коллективе, о группе комбайнеров. И, конечно, о мощной поддержке звена со стороны дирекции совхоза, экономистов, инженерной службы. Так нет же, понимая все это разумом, по инерции ищу встречи с Бочкаревым, с ним одним, как бы не видя и не слыша тех, кто рядом. И тут Николай Васильевич все поставил с головы на ноги, все поставил на свои места: напомнил о причине, подчеркнул следствие, помог восстановить истинные связи.

Мы ехали с ним в совхоз, когда уже смеркалось. Лица Бочкарева не было видно. Он вполголоса, часто замолкая, вспоминал тульские хозяйства, где убирали нынче хлеб, говорил о Ясной Поляне, где успел побывать, потом о семье Тургенева, о реконструкции музея, в общем, все, что узнал в Спасском-Лутовинове. Да, да, конечно, и мне было очень интересно; как же, помню, помню... Однако интереснее было другое.

— Значит, Николай Васильевич, рекордная производительность на жатве теперь ваша?

— Не моя, звено достигло...

— Но чемпион страны на жатве семьдесят пятого — Бочкарев?

— Нет, не я. Звено.

— А приз имени Щербинского вам вручили?

— Не мне, нет — звену.

— У конторы в вашу честь флаг, говорят, подняли?

— Не в мою честь, а в честь звена нашего...

— На Алтае вы соревновались с кем — с Пятницей?

— Да, с Василием Пятницей, сыном знаменитого героя-комбайнера. Только не я, конечно, соревновался, а звено.

— Но Василий Пятница убирает сам, в одиночку!

— Убирал. Раньше убирал и добился отличных результатов. А в этом году он возглавил звено. Стал звеньевым, и соревновались не он да я, а наши звенья...

Вот после этого разговора иначе посмотрел я на подвиг ростовских механизаторов.

— Звено, как семья,— сказал Бочкарев.

Семья... Кто же они, члены этой семьи, добившейся рекордного достижения на безостановочной комбайновой уборке зерновых?

Николай Васильевич Бочкарев, комбайнер,
Иван Георгиевич Афоничев, комбайнер,
Николай Дмитриевич Новиков, комбайнер,
Иван Семенович Уколов, комбайнер,
Стефан Иванович Верещак, комбайнер,
Виктор Геннадиевич Прошкин, комбайнер,
Николай Александрович Ермаков, комбайнер,
Александр Андреевич Гончаров, комбайнер,
Юрий Иванович Рыбалко, шофер,
Владимир Васильевич Лозовой, шофер,
Николай Николаевич Карпов, шофер,
Геннадий Васильевич Кобзаренко, шофер,
Николай Федорович Водопьянов, механик,
Иван Константинович Мусин, слесарь-шофер.

Кто же не понимает сегодня, что соревнование — это одна из примет нашей жизни! В горниле соревнования формируются личность работника, его социально-психологическая конституция. И, как показало время, соревнование тогда наиболее эффективно, когда соревнуются не одиночки, но коллективы, группы людей, связанные общим производственным интересом, узами единого технологического процесса. Еще Карл Маркс обращал внимание на то, что объединение, кооперация работников увеличивает производительность каждого в нее вошедшего. При этом, как подтвердил опыт, работа коллектива, в данном случае уборочно-транспортного звена, не простая сумма усилий каждого из перечисленных выше комбайнеров, шоферов, механика и слесаря, а сложнейший синтез труда, в котором слито воедино и моральное и физическое напряжение объединившихся личностей. А то, что каждый участник эксперимента в совхозе «Московский»—личность, сомнений нет.

Но все, что произошло, произошло не сразу. Примеривались долго, как, где и с кем пойти на побитие рекорда в дни уборки. Директор совхоза Степан Степанович Пивоваров — руководитель сравнительно молодой, экономист по образованию, первопроходец по натуре. Он, видно, давно затеял испытание истинных возможностей отечественных комбайнов. Да не один он наверняка. Во всяком случае, Целинский райком партии всячески поддерживал и поощрял затею молодого директора. А тут и машина появилась подходящая — «Колос». Комбайн, имеющий большие преимущества перед «Нивой»; тем более он превосходит самоходки старых марок.

Совхоз за последние годы накупил машин почти на полмиллиона рублей. Эффективное использование огромного числа дорогой, современной техники — проблема нашего времени. Экономистов она очень волнует. Такой трактор, как «Кировец», позволяет теперь поднимать зябь полностью и в лучшие сроки. Но как загрузить работой этого богатыря в течение всего года—проблема. А на что способен «Колос»? В Таганроге конструкторы рассчитали: способен пропустить столько-то килограммов хлебной массы за секунду. Это по расчету. А практически? Машина, как и человек, устает... Или не должна уставать? Комбайнер Иван Георгиевич Афоничев так выразился:

— Интересно все же было узнать, сколько нарекал ему конструктор?

И Степану Степановичу было интересно узнать то же самое: что даст безостановочная работа группы комбайнов? И парторгу М. И. Белых, и главному экономисту В. Г. Ахтырскому, и совхозным инженерам, механикам — интересно было всем, кто душой прикипел к технике, кто водит и тракторы и комбайны без малого четверть века. Интересно! Да ведь пора машину, мотор нагружать на мощность, им «нареченную». Но, с другой стороны, целесообразно ли выжимать из нее, из машины, все ее морально-технические ресурсы за смену? За сезон, за год? А люди как поведут себя, если моторов вовсе не глушить? И кто одолеет: график, рас-

считанный Степаном Степановичем, или звено того же Бочкарева либо Емельянова? Все, все людей интересовало до начала эксперимента. И о стране дума зародилась: что выгоднее — увеличивать комбайновый парк, можно сказать, до бесконечности, или опять же, поднимая мастерство комбайнеров, лучше использовать миллионы существующих машин? Что ж, попробовать можно, решили в «Московском». Это было в прошлом году.

Выделить машины (в совхозе говорят: «Колоса́») дело вроде простое. Куда сложнее подобрать экипажи и рассчитать, сколько их иметь в звене. Что мешает во время уборки? Всегда и везде не хватает автомашин для отвоза зерна от комбайна — раз. Много времени уходит на ликвидацию поломок во время жатвы — два. На комбайнах работают люди, хотя и с одной целью — намолотить, а значит, и заработать побольше,— но все же это люди с разными характерами, работники разной квалификации и профессиональной совести. А кого поставить во главе звена — тоже вопрос архисложный...

В «Московском» еще в прошлом году счастливо разрешили многие сомнения. Сначала молотили втроем: Бочкарев, Афоничев, Киселев. Получалось, но не очень — автомашины нет-нет да и простаивали. Дали звену еще и Николая Новикова. Сам напросился. Теперь карусель завертелась, но остановки были. Были еще остановки. Директор Степан Степанович все засекал. Едва ли не с хронометром следил за комбайнами и однажды во время обеда показал, где и когда теряли время:

— За пять минут бункер наполняете, а выгружаете его семь минут. Надо выгружать зерно на ходу!

Стали выгружать на ходу. Первый успех: «набили» за две смены тысячу центнеров! И вот она, настоящая победа: намолотили полторы тысячи центнеров за сутки. На комбайн. И еще раз и еще — наконец «набили» по две тысячи центнеров. За сутки почти. На каждый комбайн. Тогда-то и послали рапорт в Москву...

Иван Георгиевич Афоничев рассказал теперь:

— Расчеты были, это конечно. Без них нельзя. Только главное — настроение! Сказали: надо попытать, значит, надо. Азарт у ребят! Я старше всех, полсотни лет уже, войну прошел, куда мне? А тоже загорелся: на что он, этот «Колос», способен? Как вечер — у нас подсчет идет, бункера считаем или кто сколько кругов сделал.

Афоничев — большой, сильный человек. Все мужики в звене местные, свои, а он «чужой», родился в Москве. Теперь-то никакой не чужой, а даже более остальных любимый. И самый старший и самый авторитетный. Но история его такова, что был он когда-то чужаком. Шел солдат с фронтом, однажды зацепилась его часть за большое задонское село Средний Егорлык. И надо же такому было случиться — встретил солдат единственную, дороже которой с тех пор быть не могло. Так вот и случилось с Иваном Афоничевым, так и было. Ушел он за огнем, с фронтом — далеко ушел, в страшные бои, за рубежи далекие, но все помнил Татьяну... Солдат не обманул, вернулся. И остался. Такой он, Иван Георгиевич Афоничев.

— У нас как-то совпало, что мы работали в охотку,— говорит он.— Как в разведроте: один за всех, все за одного. Посреди поля ставили вагончик. В случае у кого поломка, мы сбиваемся гуртом, принимаем сообща решение, а бодрствующая смена действует как слесари! За три-четыре часа исправляли аварию, на которую раньше день уходил...

Они все разные, очень разные. И все же очень похожи один на другого. Есть в глазах постоянная усмешка, лукавство как бы, свет от испытанного ими счастья азартного артельного труда. Они всегда жили и работали рядом, все, кроме Афоничева, одно училище кончили, но вместе вряд ли были. Это теперь они в м е с т е. «Одна семья»,— как сказал Бочкарев. Их наука — это сотворчество, содружество, сопричастность к эксперименту. И согласие, сорадость. И согордость за звено, за совхоз, за донскую инициативу.

— В тульском колхозе, помню, наших четыре комбайна, а ихних семнадцать. Мы две тысячи триста намолотили, а они тысячу шестьсот...

— Усталость? Нет, я особой не испытывал. Я до обеда, напарник Коля Ермаков до ужина, я в ночь, он после завтрака... Пища горячая всегда вовремя, механик под рукой, чего же еще?

— С комбайна спрыгнешь — и душ принимаешь, а как же! Отопление в вагончике. В поле дождь, а ты в сухом во всем, и ночами тепло...

— Интересно было, вокруг уборка шумит, битва, а мы уже отмолотились. Управились — и уезжаем на тульский фронт.

— Потом неделю ехали на Алтай. Вот где простор! Только березовые колки мешали гнать напрямую...

Бойцы вспоминали минувшие дни...

Николай Ермаков («малой», как звали его поначалу в звене) — комсомолец, отец семейства. Сдержанно, но страстно рассказывал, как много дала ему работа с Афоничевым. Какой Афоничев отличный мужик!.. Николай Васильевич Бочкарев поведал историю одного комбайнера: умелый механизатор и человек неплохой, но в звене остаться не согласился, то на болезнь ссылался, то на дела семейные,— короче, не смог человек, а жаль. Но пришел на его машину Уколов. Не хуже. Все выдержал и вон еще улыбается. А тем временем Иван Семенович Уколов восторженно перечисляет, где ему понравилось работать больше всего:

— Ох, и дожди в Туле навалились!.. Нас хорошо там встретили, мы и показали класс. В Чернском районе секретарь райкома Сергей Михайлович Есиков все внимание нам уделил. В смысле организации труда. А в совхозе имени Максима Горького директор Канавин Алексей Николаевич — ох, душа человек!— помог здорово, бросил нас на ячмень, а тот по сорок пять дал!

Кто-то рассказывал, как о подвиге, про больную руку Афоничева. Поранил, загрязнил, а работает. Уж и рукой не владеет, но Иван Георгиевич одной левой управлялся. Хорошо хоть секретарь райкома как-то заметил, прислал хирурга в поле, сделали все, что надо, спасли Афоничеву руку.

— А ты расскажи, дорогой Афоня, как в войну мост на плечах держал, а по нему разведка прошла!.. Или ты расскажи еще, за что тебе орден Славы командующий вручил.

Все смеются, потому что все знают все друг о друге. Хорошее ценят. А плохое наверняка помогают изжить, иначе как бы они сделали такое «турне» со своими «Колосами» — от Дона до алтайской Оби? Да еще вернулись с мировым достижением!

Молотить закончили 1 октября. Первым звено ростовчан поздравил в городе Камень-на-Оби секретарь райкома партии, Герой Социалистического Труда Евгений Ерофеевич Парфенов. А утром следующего дня из Барнаула позвонили. На имя Бочкарева поступила следующего содержания телеграмма: **«Город Барнаул. Вручить звеньевому уборочного звена из Ростовской области тов. Бочкареву. Дорогие товарищи! Поздравляем успешным выполнением взятых обязательств — намолотом 120 тысяч центнеров зерна. Гордимся вашими трудовыми успехами. Желаем крепкого здоровья, большого человеческого счастья, ждем встречи донской земле. Первый секретарь Ростовского областного комитета КПСС И. БОНДАРЕНКО».**

Навстречу героическому звену вылетел заместитель директора совхоза М. М. Марченко. Багаж с ним был огромный. Всеми почитаемый «старшина» вез костюмы с регалиями, дабы измученные, усталые герои жатвы переоделись и прибыли на родную землю в праздничной одежде. И это придумали в совхозе хорошо, по-человечески.

7 октября Ростов встречал героев. В аэропорту было людно и весело. Звучала медь оркестра. Плыли над головами цветы к ним, к смущенным и уставшим от дальнего непривычного полета больше, чем от работы. Теперь они рассказывают, как нелегко все же дались им эти сто двадцать тысяч... Хлеба повсюду прихватил суховей, хлеб низкорослый, слабый, колос легковесный. Трудно вымолачивать пшеницу в урожайный год, но еще труднее гоняться за намолотом, когда его кот наплакал. Меняли районы, области, заехали аж на Алтай, но и там не везде давали урожайные поля. Смысл эксперимента в том, чтобы работать по графику, почти не заглушая моторов, но как быть, если смахнешь поле, а зерна немного, и перегоняй машину куда-то еще... Не раз возникала мысль: быть может, и ста тысяч хватит; что, если отложить его, рекорд, до следующего лета?.. Но все сомнения одолели. И вот победа. Доказали, на что способны машины. На что сами способны. И в чем сила коллектива. Не одиночки — пусть мастера, пусть энтузиаста, пусть человека медвежьей силы,— а именно коллектива, вступившего в борьбу подготовленным, технически вооруженным, экономически грамотным. Вот такие изменения ростовчане придали испытанным формам социалистического соревнования — современные компоненты успеха, социально-экономические изменения пришли на село с научно-технической революцией.

Приехали домой комбайнеры. Потом привезли их машины. Они стоят сейчас, сверкая десятками победных звезд; каждая — тысяча центнеров намолота. Сто двадцать звезд на восьмерых! За сезон. Комбайны отдали все свои технические ресурсы: и мотор, и барабаны, и решета, и ножи, и шнеки... А люди? Звено готово к новым работам — впереди ремонт техники, вывоз удобрений. Все они зимой работают на бульдозерах, тракторах, самоходных шасси. Труд, отдых, труд... Будни, круговорот извечный и праздничный: зима, новая весна, новое лето, осень... Так было, так будет.

Третье отделение — дом родной для звена Бочкарева. В этом году здесь построили прекрасный полевой стан: зал для школы передового опыта, спальный корпус, столовая с кухней, веранда для отдыха в знойные дни. И дорогу к третьему отделению заасфальтировали. И еще одна любопытнейшая и многозначительная деталь: на этой новой дороге, проломив асфальт у самой обочины, пробился родничок. Сильный, упрямый, чистый-чистый. Пробился вроде бы не там, где желательно, не к месту. Но кто-то заметил, уважительно оценил чистую силу нового источника и обрубил асфальт, сделал сток, забетонировал его, не дал умереть живому, пульсирующему чуду, направил его в сторону поля. И стало веселее на степной дороге, а весной, может быть, снова появится пеший доброхот, воткнет черенок ивушки или белой акации возле родившегося в 1975 году родника. И заживут они под высоким небом Дона. Вот ведь не было, не было их, подумают проезжающие люди, да народились, заспешили к свету, к воле. И теперь они есть, живут. Слева поле, справа поле. А между ними родник и дерево, тоже сильное и живое. Хорошо им будет на земле!

А дорога проложена важная, государственная — дорога на то самое третье отделение, где родилось в 1974 году дело, небывалое в стране. Дело звена-семьи. Семьи комбайнеров, шоферов, экономистов, механиков, по-иному взглянувших однажды на самую старую из всех работ на земле.

Первый секретарь Целинского райкома КПСС А. С. Белоус вручает партбилет Н. В. Бочкареву.

МИР СОВРЕМЕННИКА

Игорь ПОПОВ,
председатель правления
Московской организации
Союза художников РСФСР,
заслуженный художник РСФСР

Духовный, нравственный мир человека семидесятых годов — это, пожалуй, была главная тема выставки произведений московских художников, которая не так давно состоялась в столице. Пять лет напряженного труда, размышлений о жизни, об искусстве, о своей ответственности перед народом и Родиной, пять лет творческих поисков и открытий нашли свое воплощение в экспозиции, которую мы посвятили XXV съезду КПСС.

В Центральном выставочном зале на суд зрителей представили свои работы художники разных поколений, каждый со своим особым почерком и стилем, своими героями, своей темой: живопись и скульптура, графические листы, монументальные панно и мозаики, красочные гобелены, изделия из стекла и фаянса, многоцветье ювелирных украшений... Нам хотелось, чтобы эта ответственная выставка производила цельное впечатление, давая возможность каждому участнику показаться в полную меру своего таланта. Поэтому многие художники были представлены несколькими произведениями, раскрывающими их сосредоточенные раздумья о человеке, о поэзии и счастье труда, о радостных или трагических событиях в жизни страны, народа, истории.

Уже аванзал вводил зрителя в атмосферу искусства, исканий и достижений московской школы. Скульптурные портреты В. И. Ленина (работа А. Щербакова) и Л. И. Брежнева (созданный В. Сониным), два живописных панно — «Москва трудовая» Э. Браговского и «Москва праздничная» П. Никонова, кованный из меди барельеф Ю. Александрова и В. Эльконина, натюрморты А. Никича «Праздничный» и «Торжественный»,— темы этих произведений, их цветовые и пластические ритмы определили эмоционально-взволнованное настроение, которым пронизана вся экспозиция. Определяющим в ней стали связь искусства и труда, ощущение жизни, стремление определить место художника в делах и свершениях своей страны.

Во все времена искусство помогало людям постигать правду и красоту мира, возвышало их, вдохновляло высокими гуманистическими идеалами. Наша задача ответственна вдвойне: мы призваны формировать духовный облик современников. Ведь от того, насколько сегодня мы сами, наше художественное видение и восприятие окружающего покажутся интересными и необходимыми зрителю, зависит успех и сила воздействия наших произведений.

Во время работы выставки ее посетили руководители Московского городского комитета партии во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем МГК КПСС В. В. Гришиным. Он говорил о том, что хорошо бы лучшие произведения показать потом в заводских дворцах и домах культуры, чтобы с ними познакомилось как можно больше москвичей. В этом, мне думается, самая высокая оценка и признание нашего труда.

Внимательно изучают художники рабочего человека, своего современника, постигая его неповторимое своеобразие, то новое и значительное, что внесло время, уклад и стиль нашей жизни в характеры, что формирует не только внешние приметы, но главным образом духовную устремленность, пафос дерзаний, человечность. Это чувствуется в «Портрете монтажника» Ю. Королева, в «Маркшейдерах» Б. Окорокова, в скульптурной композиции И. Чайкова «Металлургия». Пластическую красоту, радость труда, разнообразие и поэзию ритмов человеческой деятельности воплотили И. Рукавишников в скульптуре «Монтажники», С. Дудник в своем полотне «Ковровщицы», Ю. Ракша в картине «Наша буровая (Смена)», М. Богатырев в работе «Великое начало».

Многие мастера кисти и резца работали на крупнейших стройках страны, писали на заводах, фабриках, в колхозах и совхозах. В результате появились, например, портреты строителей КамАЗа К. Максимова, «Красноярская ГЭС» Д. Косьмина, «Химзавод строится» А. Суровцева. Уже много лет пишет псковскую землю, ее тружеников П. Оссовский. Очень непросто в нескольких словах выразить впечатление от его картины «Сыновья»; в центре ее — сидящая у рыбацких сетей немолодая женщина, слева и справа у лодок, вытянутых на берег, расположились два подростка, ее сыновья. Женщина задумалась на миг, ее руки еще перебирают сеть, ее поза естественна и значительна. Изображен момент, когда человек внутренним взором окидывает вдруг свою жизнь и еще раз утверждается в своей правоте, в справедливости своих нравственных принципов, отстаиваемых в борьбе.

Важнейшие вехи истории Отечества, Советского государства продолжают, как это было всегда, волновать московских художников. «Всесоюзный съезд Советов. Образование СССР» — так называется монументальное полотно Л. Котлярова. Автор естественно и живо вводит нас в атмосферу незабываемых событий, словно приближает к его участникам, воскрешает облик многих выдающихся деятелей партии.

В картине «В. И. Ленин в Доме союзов» В. Цыплаков изобразил Владимира Ильича перед выступлением. Он только что вошел в многолюдный зал и, направляясь к трибуне, на мгновение остановился у колонны. Он сосредоточен на том, что должен сейчас сказать, и это состояние внутреннего напряжения, размышления сумел понять и передать художник.

...И снова боль и память войны. Снова и снова художники возвращаются к этой теме. Отмечая тридцатилетие Победы, многие наши мастера участвовали в выставке, проходившей летом этого года в тех же стенах московского Манежа. Но тема эта бесконечна, как беспредельны горе и страдания, принесенные фашизмом. И потому картины Б. Неменского и «9 мая» М. Кугача не могли оставить зрителей равнодушными.

Тема войны прозвучала и в «Сиротах» Ю. Кугача. Эта картина, показанная рядом с другими работами мастера,— «У колыбели», «Семья», в которых есть подлинное ощущение народной жизни, радостного, полнокровного восприятия бытия, его «Андрей Рублев», воплотивший высокие идеалы служения искусству, свидетельствуют о том, насколько может быть обширна сфера интересов и приложение сил художника.

Человек, творец и мыслитель, стал главным героем выставки. Мы встречаем его в выразительных скульптурных портретах Н. Никогосяна, в картине О. Филатчева «Рыбаки Приморья», во многих живописных произведениях, посвященных конкретным людям. Это, например, хирург В. В. Виноградов на полотне А. Гапоненко, молодой повар Е. И. Кудряшова в картине М. Хазанова. Возвышенные образы людей, которым воплощать в жизнь грандиозные решения партии. И им это по плечу.

В групповом портрете В. Иванова «В кафе «Греко» словно сконцентрированы чувства, волнующие каждого, кто серьезно относится к великой миссии искусства. Картина полна тишины; ее герои — пять московских живописцев, попавшие в артистическое кафе Рима. Здесь бывали, по преданию, знаменитые русские художники, здесь в прошлом веке можно было встретить Гоголя и Александра Иванова. И вот теперь, в середине XX столетия, советские художники, ощутив живую связь времен, не могли не задуматься о той ответственности, которую они на себя возложили.

Творческая углубленность, сосредоточенность, когда принимаются важные решения, мо́гущие стать поворотным пунктом в судьбе человека; творческое озарение, приносящее миру великие открытия или чудо поэзии (как в работе В. Попкова «А. С. Пушкин в Михайловском»),— интерес к таким «звездным часам» в жизни человечества тоже одна из примет нынешней экспозиции.

Художников волнуют и личные судьбы людей, порой трагические (Г. Коржев «Обреченная»). Вместе с отчетливо выявленным интересом авторов к духовному началу в человеке появилась явная потребность понять и передать его настроение, душевное состояние в самых обычных жизненных проявлениях, как это делают, например, в своих произведениях В. Нечитайло, В. Игошев.

Пейзаж и натюрморт всегда были сильнейшей стороной московской школы. Тонкие, лиричные работы А. Грицая, сдержанные, насыщенные глубоким чувством произведения Е. Зверькова, полотна В. Сидорова, в которых присутствуют черты жанровой композиции, динамичные образы находящейся в вечном движении природы у И. Сорокина, романтический, словно увиденный глазами детства «Парк культуры» А. Соколова... При сохранении индивидуальности мотивов, чисто живописных решений появились бо́льшие обобщения; в лучших работах этого жанра явственно ощутимо патриотическое чувство, тема Родины, ее неброской красоты и прелести, тема глубокой любви и уважения к русским людям, живущим на этой земле.

В ритмах и настроениях современных натюрмортов, во внимании к красоте предметного мира все отчетливей проявляется и живет печать человеческого духа. Чеканные, почти аскетичные, полные строгого достоинства натюрморты А. Никича, золотые звоны картин В. Стожарова, открывшего для живописи яркую праздничность старой крестьянской утвари, благородство и одухотворенность тех немногих предметов в полотнах Д. Жилинского — обычно цветов, томиков книг,— которые существуют и живут одновременно с героем, проявляя его характер, наклонности.

Есть еще одна тема, всегда привлекавшая московских художников: наш старинный, но всегда молодой город, любимый во все времена, при любых состояниях погоды. Площади и улицы столицы, ее новь и древние стены пишут И. Мануйлов, Г. Сысолятин, Б. Рыбченков; ей посвящают графические серии М. Митурич («Золотая Москва»), Л. Сойфертис («Новые районы Москвы»).

Около двух тысяч работ было представлено в Центральном выставочном зале. Невозможно их все характеризовать или даже просто назвать; хотелось лишь выделить те основные проблемы, которыми живут художники Москвы. Главный итог выставки справедливо оценили ее многотысячные зрители: московские художники идут наравне с веком, претворяя в своих произведениях основные темы современности. Метод социалистического реализма дает им возможность выразить самые разнообразные творческие устремления, показывая героический труд и жизнь советских людей.

Л. Котляров. Род. 1925. ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ. ОБРАЗОВАНИЕ СССР. 1975.

Э. Браговский. Род. 1923. МОСКВА ТРУДОВАЯ. 1974—1975.

19 ноября исполняется 100 лет со дня рождения Михаила Ивановича Калинина — выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства. Сегодня мы публикуем отрывки из воспоминаний его сестры П. И. Калининой.

СЛОВО О БРАТЕ

Прасковья КАЛИНИНА

Жизнь человека, точно река. Начинается она с маленького ручейка, а к устью, обогащенная притоками, катит величаво волны меж берегов. Больше притоков — шире и спокойнее речная гладь. Так и большой человек: его судьба вбирает в себя множество иных человеческих судеб.

Моя жизнь прошла рядом с жизнью моего брата — одного из основателей Советского государства, Михаила Ивановича Калинина.

В дореволюционном Петербурге я помню его в синей блузе, возвращающимся с завода «Айваз». Я помню его улыбку во дворе мрачной тюрьмы в Питере. Слышала я Михаила Ивановича на митингах и видела, как революционные солдаты и рабочие пытались качать его в благодарность за правдивое, умное слово. Помню «всесоюзного старосту» в сосновом бору в редкие часы отдыха. Гордилась им, когда шагала в праздничных колоннах мимо трибун Мавзолея.

В жизни каждого человека бывают минуты, когда он должен распорядиться самым главным своим богатством — памятью. А память любого из нас имеет волшебное свойство выбрасывать из своих кладовых все ненужное, мелкое и оставлять самое значительное, яркое. Самым значительным и ярким в моей жизни были встречи со старшим братом.

Жизнь и деятельность «всесоюзного старосты» Михаила Ивановича Калинина известны широкому кругу читателей. Нет смысла повторять общеизвестные факты. Мне хочется рассказать о Калинине так, как я знаю. Удалось это или нет — судить не мне.

СВИДАНИЕ В «КРЕСТАХ»

В 1914 году началась первая мировая война. Моего мужа, Егора Заонегина, имевшего воинское звание унтер-офицера, сразу же призвали в армию. И я уехала к матери в деревню. Пришлось помогать матери, она воспитывала троих детей Михаила Ивановича: Валерьяна, Юлию, Лиду. Жена брата, Екатерина Ивановна Лорберг, вскоре после начала войны уехала в Петроград и устроилась на завод «Айваз».

Обычная деревенская жизнь. Летом на поле гнешь спину, зимой прядешь лен. Печь. Чугуны. Болезни детей.

Егору Заонегину повезло: он не угодил в окопы. По счастью или уж как там, его назначили помощником начальника госпиталя в Выборге.

В начале 1916 года в деревню пришло письмо от Екатерины Ивановны с мрачной вестью: Михаил Иванович опять арестован.

Выплакавшись, мать сказала:

— Ох, не выпустят они Михайла из острога, ироды! Чует мое сердце, загонят в Сибирь!

Не зря чуяло материнское сердце. Вот фотокопия следственного дела жандармского управления Петрограда. Сейчас эта фотокопия хранится в Музее М. И. Калинина в Москве. Привожу полностью характеристику, которую дала моему брату царская охранка при его последнем аресте:

«Следственный отдел. Секретно. 8 января 1916 года.

Крестьянин Тверской губернии Михаил Иванович Калинин по агентурным сведениям социал-демократ (большевик), ленинец, видный и деятельный партийный работник, член Выборгского РК...»

Из дальнейшего ясно, что агенты жандармов были хорошо осведомлены о деятельности Калинина, недаром ходили за ним по пятам.

«В 1914 г. входил в большевистский комитет завода «Айваз». 20 апреля на собрании заводского коллектива выступил с докладом о рабочей партии и о 1 мая... В 20 числах июня был в Шувалове на собрании рабочих-металлистов, в присутствии бывшего депутата Бадаева, на коем разрешались вопросы о финансовом положении закрытого союза металлистов и о партийном единстве...

4 июля, выступая на митинге во дворе завода «Новый Айваз», после получения сведений о происшедшем будто бы расстреле рабочих на Путиловском заводе, призвал устроить долгодневную забастовку, и если возможно, то и вооруженное восстание. Принимал участие в подыскании квартиры для совещания РСДРП(б) съезда. В прежние годы состоял членом ПК, был на съездах С.-Д., имеет большой опыт организационной работы. Отбыв наказание, в 1906—1908 гг. ведет широкое знакомство с интеллигенцией, пользуется большой популярностью среди рабочих, много раз выступал на митингах, призывал к забастовкам, хороший оратор и пропагандист. В 1915 году имел партийный псевдоним «Никанор Петров». Вел агитацию за забастовку 1 мая среди рабочих «Айваза». Должен был присутствовать на собрании международного объединенного комитета для окончательного решения о проведении забастовки, чтобы прекратить производство снарядов и пушек, чем заставить правительство заключить позорный мир. При обыске у Калинина отобраны две в единственном экземпляре брошюры — «Нет больше соц. демократов», «К вопросу о революционной тактике». Калинин показал, что ни к каким революционным организациям он не принадлежит. Упомянутые брошюры он достал, но у кого, не помнит. Калинин самым решительным образом заявил, что никаких связей со времени приезда в Петроград, по его словам, кажется, «с 1912 года», с нелегальными организациями не имел и агитацию за забастовку 1 мая среди рабочих «Айваза» не вел...»

Сколько надо было иметь мужества, чтобы вести себя так, в четырнадцатый раз сидя перед столом следователя!

...Вскоре я стала собираться к мужу в Выборг.

— Прасковья,— сказала мне мать,— повидайся, коль сможешь, с Михайлой. Передай ему: дети, слава богу, здоровы. Глянь там, как он выглядит, не заболел ли в этих острогах?

И вот я в Петрограде.

Вместе с Екатериной Ивановной Лорберг подходим к унылому зданию централа «Кресты». В караулке нам ответили: Калинина в тюрьме нет.

— Его каждый день увозят на допросы,— говорит Екатерина Ивановна.

Обидно мне стало: хотелось глянуть на брата, и вот оказия! Что скажу матери? А ведь завтра уезжать в Троицу. Решила: буду сидеть во дворе тюрьмы, пока не прогонят, а брата дождусь!

— Катя,— говорю невестке,— давай подождем. Если его на допрос увезли, то ночевать сюда же должны доставить.

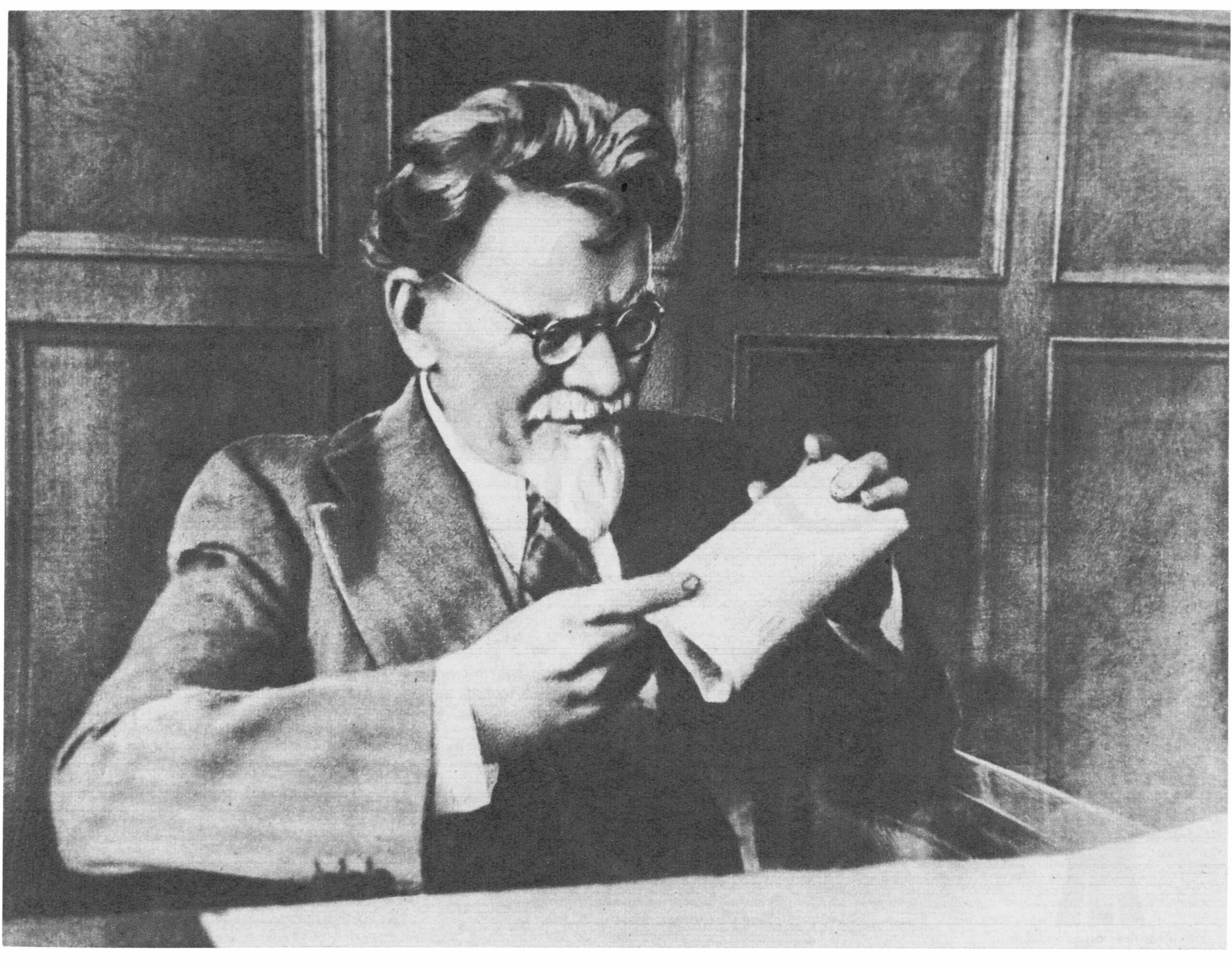
Уселись мы с ней на скамеечку. Потянулись часы.

И вдруг в воротах появляется Михаил. Идет со свертком под мышкой. Завидел нас и улыбается. Я — к брату... Подбежала и замерла: за ним вышагивает свирепого вида мужик с бородой, в жандармском одеянии. Михаил сказал, не останавливаясь: «Здесь стоять нельзя. Беги к окну караулки!»

Я разволновалась, никак с собой не совладаю.

— Катя,— прошу жену Михаила Ивановича,— начни ты говорить. Я не могу, волнуюсь.

В караульном помещении открылось малень-

Михаил Иванович Калинин. **Фото С. Короткова.**

кое оконце, и в нем показался брат. Гляжу на него, а слезы так и катятся по лицу.

Сердится Михаил:

— Перестань реветь, Прасковья, не маленькая. Видишь, чувствую себя нормально. Ты лучше рассказывай, как в Троице? Как дети? Как мать?

А я ему одно твержу: теперь тебя в Сибирь загонят, не увидим мы тебя больше.

— Так уж и в Сибирь. Ты возьми себя в руки. Рассказывай-ка...

Много лет спустя я узнала, отчего был весел тогда в «Крестах» брат.

Оказывается, в «Крестах» был банный день. Брату попался жандарм, который сочувствовал политическим. (Вот ведь как, а мне он показался свирепым держимордой...) Шел третий год войны, царская армия терпела поражение за поражением, голодновато становилось в городах. И даже жандармы стали задумываться о причинах бедствий.

После бани Михаил Иванович сказал своему стражу:

— Господин начальник, зайдемте на Лиговку. Знакомый там у меня живет. Чайку по рюмочке выпьем. Душевный знакомый.

— Не положено,— вяло отнекивался жандарм.

— Так ведь и немцу зад показывать не положено, а что делать? Да я не подведу — начальство не узнает. А на улице дождик. Не дай бог простудитесь, простуда — она и служивых не жалует. А у приятеля перцовочка есть. Первое средство против простуды.

И уговорил. По третьему году войны плохо было и у охранки с конным транспортом, пешим порядком приходилось сопровождать заключенных в бани. Не сладко было жандарму через весь город тащиться натощак, решил он принять приглашение «политического».

Откуда было знать жандарму, что пока он опрокидывал очередную рюмку перцовочки и пробовал то селедку, то маринованные грибочки, Михаил Иванович узнал все партийные новости. Не мог же догадаться «служивый», что здоровье всяких там Иванов и Кать, «поминки» и «крестины» были конспиративными обозначениями партийных дел, явок, паролей.

Очень довольны остались все: и «гости» и «хозяева».

...Приехала я в деревню и как могла успокоила мать.

А вскоре пришло письмо из Петрограда: суд приговорил Калинина к административной высылке в Восточную Сибирь.

Мать крепилась. Мы старались не огорчать друг друга слезами, но на душе было тяжко: вернется ли брат из Сибири, кто знает? В письме говорилось, что «по высочайшему повелению» Калинину было разрешено ехать «на свой счет», следовательно, без конвоя. Это как-то утешало и вселяло надежду, что путь ссыльного брата проляжет через нашу деревню, как уже бывало при других ссылках.

Однако вскоре письма из Петрограда прекратились. Мы терялись в догадках.

Калинин, как стало известно позже, не воспользовался любезностью «высочайшего повелителя» и не стал тратить собственных рублей на дальнюю казенную дорогу. В ссылку он не поехал: перешел на нелегальное положение, взяв фамилию жены — Лорберг.

Уже совсем не за горами было то время, когда возле Николаевского вокзала, выбежав из мастерских и увидев толпу, требующую вожака, Михаил Иванович Калинин произнесет слова, вошедшие в историю русской революции:

— Вы требуете вождей? Вождей надо освободить из тюрем!

ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ...

После свидания с братом я уехала в деревню. В Кашине меня встретила мать.

Жизнь в деревне день ото дня становилась все тяжелее. Долгими зимними вечерами до глубокой ночи сидели мы с матерью за прялкой. На столе мерцала самодельная коптилка — свет был слабый, в избе пахло копотью. Черно и душно. Глаза болят, шея и плечи вот-вот отвалятся, но мать работает неутомимо.

— Холсты больно нужны, Прасковья,— говорит она мне, завидев, что я устала.— Ситец давно в лавках не продают. Нынче все бабы по деревне красят холсты. Краски нет, так луковую шелуху и осиновую кору в дело пускают. Холсты, что ржавая железка, глаза б не смотрели. А что делать? Не будешь голяшками ходить.

О сахаре и чае мы даже перестали мечтать. Мать вздыхала:

— До чего дожили!.. Скоро и хлеб нечем посолить станет.

В феврале 1917 года по деревне распространился слух, что в Петрограде забастовки. С той поры все чаще и чаще приходили известия: в городах бастуют рабочие, носят красные флаги, а на флагах написано: «Долой войну! Долой царя!», «Хлеба!».

И вдруг весть: революция! Царя вынудили

отказаться от престола, монарх низложен. Эта весть взбудоражила деревню, все стали ждать перемен. Народ толпами собирался на улице, шли горячие споры. Всем хотелось знать, как будет с помещичьей землей.

Мать будто помолодела.

— Царя прогнали! Подумать только, какую силу надо было одолеть,— весело говорила она.

Летом 1917 года из Петрограда приехал Михаил Иванович. Его приезд, как всегда, был неожиданным. Произошло это так. Вечерком собрались все мы у самовара. Думали, отчего это молчит Михаил, не шлет писем, обсуждали нехитрые деревенские дела, как вдруг открылась дверь... и в избу шагнул сам Михаил. Раньше всех нашлись ребята:

— Папа приехал! — И окружили отца.

Михаил расцеловал каждого и стал пробираться к столу.

— Дайте же, пострелята, со взрослыми поздороваться.

И сразу же в избу набилось множество народу. Всем не терпелось узнать столичные новости. Беседа тянулась чуть ли не до первых петухов. А на другой день пришли к Калинину и из других деревень. Всем хотелось знать в то непонятное и смутное время, почему это Временное правительство не держит своих обещаний.

Михаил Иванович говорил односельчанам: никто вам ничего не отдаст добровольно, помещик не уступит даром своей земли, не поделится с бедными фабрикант награбленным золотом. Выход только один: взять винтовку в руки и передать власть Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов.

— Бедняк бедняка не обидит, а с богатых сумеет спросить...

Пробыл брат в деревне недолго — всего пять-шесть дней — и снова уехал. Его слова врезались в сердца крестьян: «Надо действовать, действовать, а не говорить!»

А в октябре в деревню пришло известие о свершившейся пролетарской революции. Мы услышали шум за окнами и вместе с матерью выскочили на улицу. По улице бегали мальчишки с криками: «Революция! Революция!»

— Еще какая же такая революция? — изумилась мать.

— Рабочая, настоящая,— сказал кто-то из толпы.

Мать не выдержала и расплакалась. Я обняла ее, успокаивая:

— Что ты, мама, в такой день?

— Это я от радости. Жалко вот, отец не дожил.

В толпе кто-то крикнул: «Сидор газеты привез из Кашина!»

Мы все двинулись к избе Сидора. Он считался у нас самым грамотным человеком. Когда мы подошли к его двору, там уже кипела толпа.

Сидор стоял на бревне и кричал:

— Тихо, мужики и бабы! Ох, маленько ошибся, граждане!

Когда народ поутих, Сидор развернул газету:

— Читаю вам: обращение «К гражданам России!». ...Значит, к нам, выходит...

Народ не расходился, хотя сгущались сумерки и шел холодный октябрьский дождь.

— Теперь войне каюк. И землю разделят, своя власть не обманет. Ей корысти нету нас надувать.

Было уже совсем темно, когда мы возвращались. По улице ходила молодежь — наши троицкие парни и девчата — с революционной песней, неизвестно когда только и выученной:

Смело, товарищи, в ногу.
Духом окрепнем в борьбе...

* * *

Оставаться в деревне я больше не хотела. Тянуло меня в Петроград. К тому были причины и личного характера. Я чувствовала: за годы, проведенные вдали от меня, Егор Заонегин отвык от семьи. Время показало, что предчувствия не обманули меня.

Шел 1918 год. В июле я приехала в Петроград. На вокзале меня встретила Екатерина Ивановна Лорберг. Жили Калинины на Песочной улице. Михаил Иванович в ту пору был избран городским головой. Хозяйство города было в запустении и разрухе, снабжение населения велось из рук вон плохо, саботировали служащие управы.

Я всегда поражалась колоссальной трудоспособности Михаила Ивановича, а в это время он особенно много работал. Уходил совсем рано и приходил поздно ночью.

Вскоре Калинины переехали в дом Брандта на бывшей Дворянской улице (ныне улица Куйбышева). В доме Брандта была коммуна. Жили вначале всего три семьи: Котляковы, Кудрявцевы и Калинины. Потом приехала Мария Ивановна Лорберг с сынишкой — сестра Екатерины Ивановны. А затем в коммуну влился Семен Иванович, наш брат, с сыном Сашей. Мне хотелось устроиться на работу. Я сказала об этом Михаилу.

— Пока привыкай, Прасковья, к городу. Осматривайся, ты же все-таки больше жила в деревне. Кстати, есть у меня два билета на оперу. Идите-ка вы с Катей.

Так впервые я на двадцать пятом году жизни попала в театр. Ставили «Аиду».

Михаил Иванович, оказывается, не забыл нашего разговора.

— Слушай, Прасковья,— спросил он как-то,— а что, если тебе поработать кондуктором на трамвае? Потолкайся среди людей, а то уж больно ты смирна. В городе таким тяжело жить.

Так я стала кондуктором в Ланском трамвайном парке, но работать мне долго не пришлось. Я заболела, и после выздоровления начальство перевело меня на подсчет денег.

В это время мы с Екатериной Ивановной Лорберг поступили на вечерние курсы красных медицинских сестер. Практику проходили в Семеновском военном госпитале. Мы страстно мечтали попасть на фронт, чтобы помочь республике. Каждое слово врачей мы ловили, затаив дыхание. Курсы были краткосрочными, и вскоре состоялся первый выпуск. Было нас немного, человек около двадцати.

В ноябре 1918 года в помещении бывшей городской управы торжественно отмечали выпуск красных медицинских сестер. Вскоре мы должны были уехать на фронт, в полевые госпитали. На этом собрании выступил Михаил Иванович. Речь он произнес большую, часто его прерывали аплодисментами. Говорил он без бумажки, и никто его речь тогда не записывал. Мне кажется, она так и не попала в калининские сборники. Запомнились его слова:

— Товарищи, вам предстоит на фронте тяжелая работа. Но и благородная в то же время. Хорошо, вовремя и умело оказать медицинскую помощь раненому, особенно тяжелораненому,— это значит поставить в строй бывшего воина. Красные сестры — помощники врачу, но, товарищи, не только. Постарайтесь в каждом раненом увидеть не только бойца, постарайтесь увидеть своего брата, сына, мужа. Тогда, товарищи, вы каждому станете в два раза ближе и необходимей. Раненым людям как раз не хватает человеческого тепла... Раненый хочет, чтобы около него был обязательно родной человек. Будьте же мужественными и нежными, красные медицинские сестры.

После своего выступления Михаил Иванович уехал, а мы уселись за стол. Каждой сестре по такому торжественному случаю полагался стакан круто заваренного чая с ландрининкой и сухарем: в Петрограде было голодно. Но мы, тогда молодые, веселые, после такого «ужина» долго плясали и пели.

Однако на фронт я не попала. Пятилетний сын Вячеслав был оставлен мною у родителей Егора Заонегина в деревне. За сына я была спокойна, но из письма матери узнала: Егор приехал в деревню и взял сына с собой в Вологду. Меня это встревожило: каждая мать меня поймет. Я решила увезти сына с собой в Петроград. Но прежде обратилась к брату.

— Вот что, Прасковья, тебе будет тяжело с мальчиком в Петрограде. Голод, холодная зима.— Но, увидев мои слезы, Михаил Иванович добавил: — Что ж, ты все равно будешь болеть за ребенка. Делать нечего, привози.

Взяв на три дня отпуск, я уехала в Вологду за сыном. Брат оказался прав. Вячеслав не выдержал полуголодной зимы в Питере и заболел. По совету брата мне пришлось увезти сына в деревню. Шел январь 1919 года.

Литературная запись
Вячеслава **СТЕРИНА**.

ИСТОРИЯ СТАРОГО СНИМКА

Эту фотографию я увидел недавно в Москве в Музее М. И. Калинина. На снимке Михаил Иванович и американская журналистка Бесси Битти. Снимок сделан на берегу Волги в августе 1921 года.

Бесси Битти вместе с Джоном Ридом, Вильямсом и Луизой Брайант были свидетелями штурма Зимнего дворца. Все четверо тогда были «вооружены» ручками и карандашами. Вернувшись на родину, в США, Битти написала книжку «Красное сердце России». За океаном это была одна из первых книг о русской революции, о ее вожде — В. И. Ленине.

Владимир Ильич читал эту книгу, делал в ней поправки. Когда американское правительство послало свои войска в революционную Россию, Битти смело и решительно потребовала немедленно прекратить агрессию.

Приехав в Россию вторично, в 1921 году, она захотела познакомиться с одним из соратников В. И. Ленина — «Русским президентом». Простота, демократизм Калинина поразили американку. Когда же Михаил Иванович пригласил ее участвовать в поездке по городам и селам Поволжья, она, конечно же, с радостью согласилась.

Бесси Битти присутствовала при многих встречах М. И. Калинина с жителями городов и сел. Об увиденном и услышанном во время этой поездки она рассказала в очерках на страницах американских газет и журналов.

Ю. ПЕСИКОВ

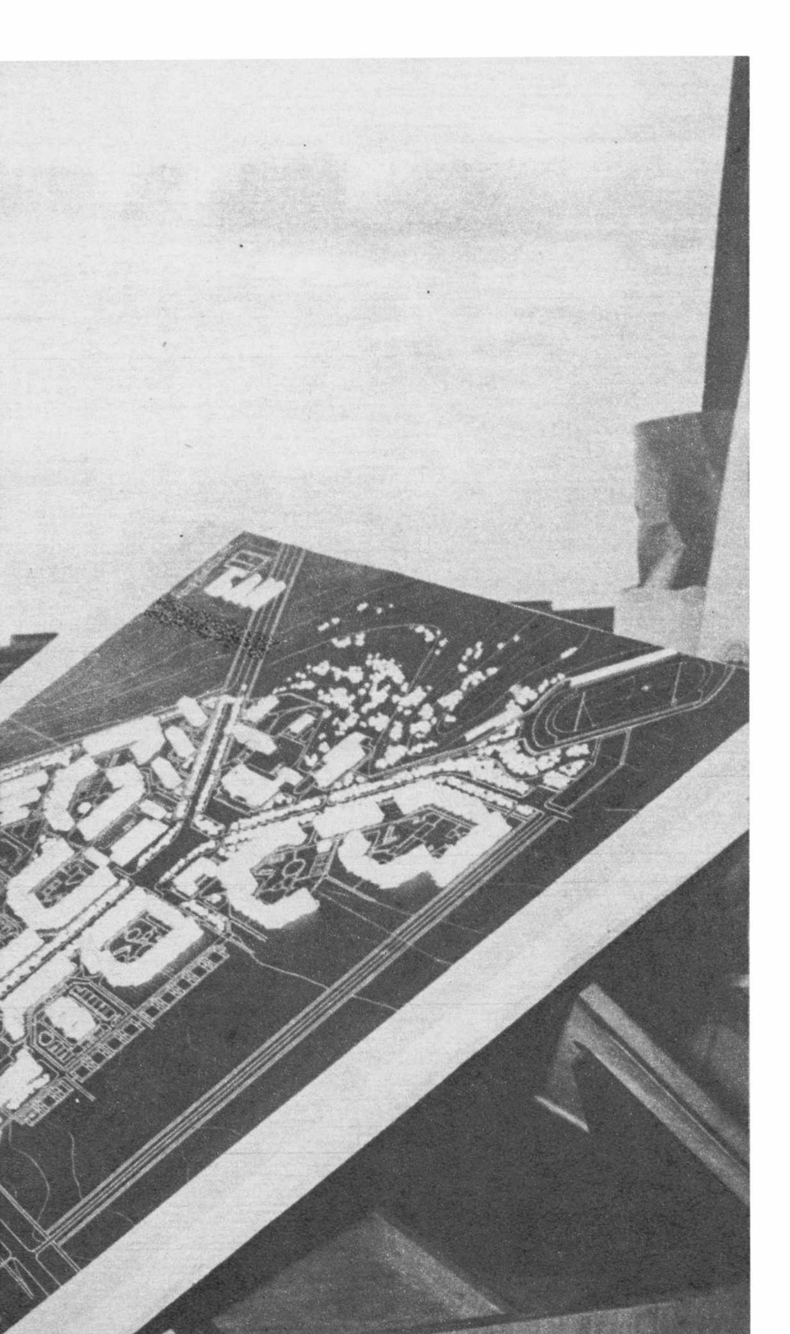
«Служба БАМа».

ЛЕНИНГРАД–

Обсуждение проекта будущего города на трассе.

БАМу

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

СВЕТ В ТАЙГЕ

Было известно: в годовом плане завода «Звезда» имени Ворошилова эти электростанции не значились. Да и не располагал он свободными производственными площадями. И тем не менее...

— Подумайте... Изыщите резервы. Строителям БАМа до зарезу нужны передвижные электростанции, способные работать в условиях вечной мерзлоты, там, где нет никаких линий электропередач.

Ответ был достоин ленинградцев. Сделаем! Все 16 станций, как и просили бамовцы, будут изготовлены в нынешнем году. За словом последовали напряженные дела. В рекордный срок инженеры разработали конструкцию электростанции, монтаж велся на железнодорожных платформах, укрытых временными домиками, внутри которых и собирали необходимое оборудование.

Вскоре был создан экспериментальный образец, который успешно прошел межведомственные испытания. Началось серийное производство. Когда в конце октября мы приехали на завод, на платформах стояли уже готовые к отправке пятая и шестая станции. Еще на трех завершалась сборка.

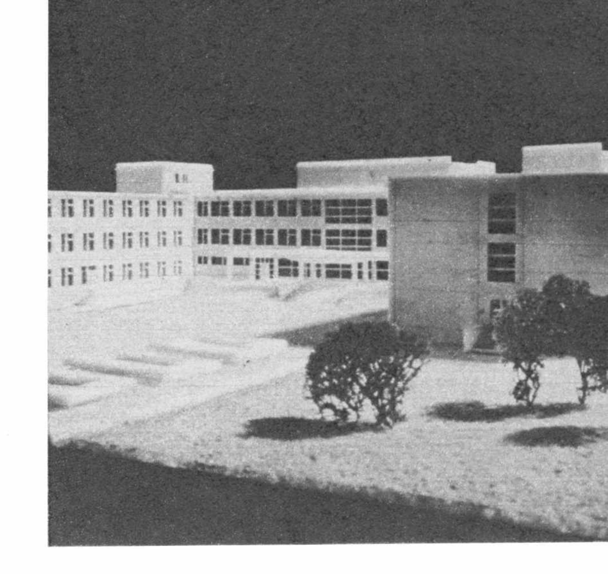
— Наши дизельные транспортабельные автоматические электростанции,— рассказывает заместитель директора завода О. И. Черепанов,— способны работать одиночно и группами. Включаются они автоматически, управление ими ведется с дистанционного пульта. Вырабатываемая каждой из них электроэнергия — и на производственные и на бытовые нужды — достаточна для пяти тысяч стоваттных электролампочек. Станции поставлены на салазки и могут передвигаться в тайге с помощью тягачей, трейлеров или на железнодорожных платформах. В будущем году намечается изготовить для БАМа шестьдесят таких станций.

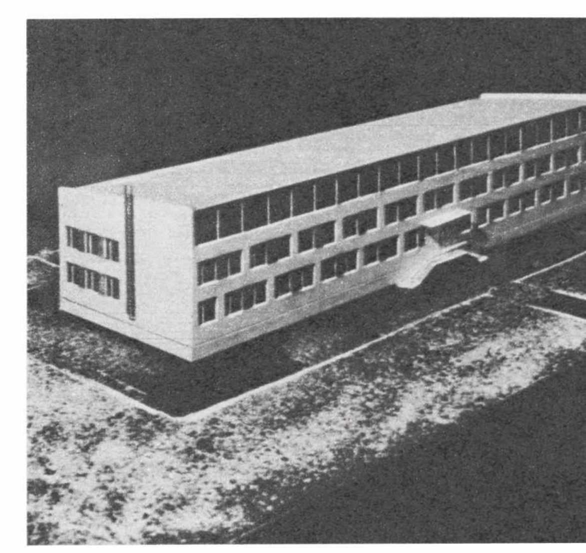
МЕСТО ПРИПИСКИ — БАЙКАЛ

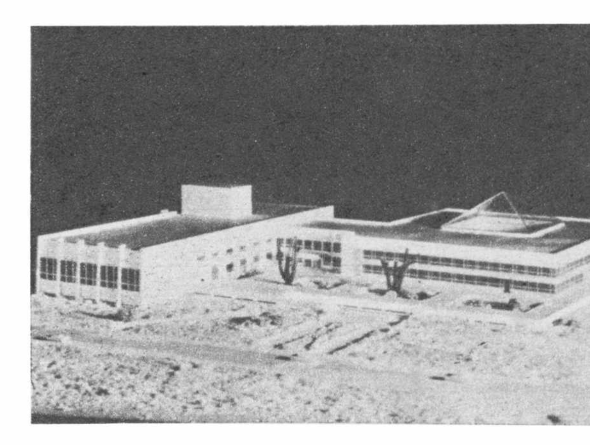
В Култуке, расположенном на действующей Транссибирской магистрали, нарастал поток груза: детали сборных домов, оборудование, строительные материалы. Надо было перебросить все это как можно быстрее с южного берега Байкала на север. Но озерный флот тут малочисленный и маломощный. А время не ждало, коротка навигация. Как быть?

Обратились к ленинградцам: нельзя ли построить хотя бы одну сухогрузную баржу? Конечно, можно! Но вот проблема: как ее доставить на Байкал? По воздуху не перебросишь. Водным путем? Его нет. Эту проблему предстояло решить «Петрозаводу», в цехах которого формировался корпус судна. Частями, крупными блоками баржу отправляли к месту назначения по железной дороге. На берегу Байкала их собрали воедино и баржу спустили на воду.

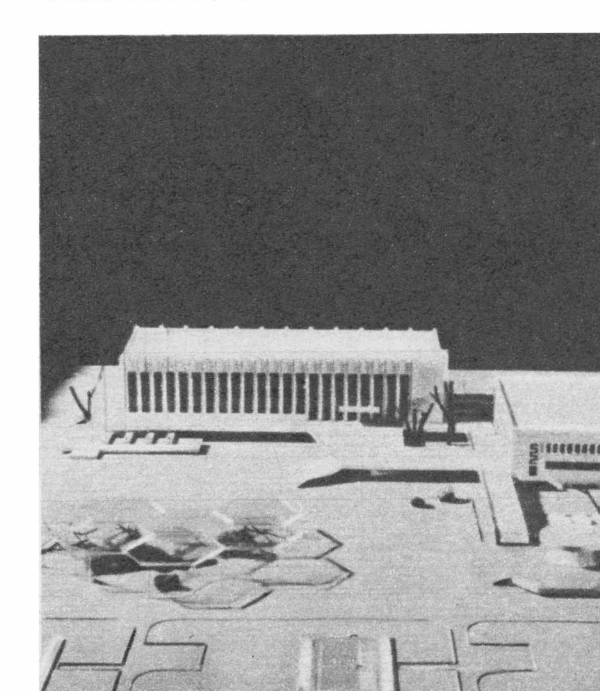
Строительство судна началось весной, а завершилось летом. Баржа была построена в два раза быстрее обычного. На «Петрозаводе» мы познакомились с пятью ударниками, которые строили бамовский корабль в цехе, собирали его на берегу озера и провожали в первый рейс. Вот они:

Проекты школы-интерната на 340 учащихся, детских яслей на 280 мест и общественных центров поселков на 6 и 3 тысячи жителей.

инженер, руководитель сварочного бюро Б. А. Кандиболоцкий, старший мастер техник Н. И. Кудрявцев, бригадир судосборщиков А. П. Трепов, мастер Б. В. Савельев, судосборщик В. Ф. Морозов. Сейчас они строят вторую баржу.

ШАГАЕТ МОЛОДОСТЬ

«...Вот уже четыре месяца, как мы на БАМе. Нам крепко повезло, и мы гордимся, что находимся в «середине» самого трудного отрезка трассы Нижнеангарск — Чара. Уоян — поселок с поэтическим названием, местечко, которое изумляет красотой даже видавшего виды путешественника. Сейчас мы уже старожилы. У нас все, что нужно для настоящей работы. А кругом зверь непуганый и тропы нехоженые.

...Работать приходится там, где поставят. И никто не чурается любого задания. Мы понимаем: это необходимо сегодня. Мы рубим просеки будущей трассы, строим дома будущим строителям. После этого выйдем на «дорогу жизни»— на встречу с Северо-Муйским тоннелем. А пока дел и у себя хватает. Каждый гвоздик — только с воздуха. Вертолет в этих краях — и работодатель, и кормилец, и просветитель. Так будет до «зимника».

На нашем участке работают литовцы, эстонцы и мы — ленинградцы. Живем дружно. Традиции ленинградских рабочих для нас — закон, по нему мерим свой рабочий день. Свободен лишь поздний вечер, когда чувствуешь, как руки гудят.

Мы уже почти сибиряки. Сто километров для нас не расстояние. Посредине поселка — столбик с указателем: «Ленинград — 7 тысяч километров, до первого поезда —7 лет».

Большой привет родному городу и будущему отряду ленинградцев — строителей БАМа. Ждем их!»

Это письмо прислал с трассы плотник-лесоруб Борис Григорьев. Путевку на БАМ ему вручил комсомол Выборгской стороны. Борис, как и сотни других молодых ленинградцев, перед отъездом на БАМ поклялся у памятника Владимиру Ильичу Ленину продолжать славные традиции ленинградского рабочего класса.

На БАМ комсомол посылает лучших. Отряды добровольцев формируют из тех, кто прошел трехмесячную стажировку на заводах. Три месяца — срок невелик, но все же он позволяет выяснить, кто и на что способен.

Как старых знакомых встретили на БАМе студентов Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта: в прошлом и позапрошлом году они работали на строительстве моста через Амур. Минувшим летом 440 юношей и девушек вышли на один из наиболее трудных участков: между Байкальским и Северо-Муйским тоннелями.

НА БЕРЕГУ БАЙКАЛА

Особняк на Невском проспекте. Здесь находится Главленинградстрой. Весной тут появился новый трест — ЛенБАМстрой. Ему поручено возводить Северо-Байкальск — новый большой поселок на трассе БАМа. Заходим в «службу БАМа» — оперативный штаб. Главный инженер службы Вячеслав Георгиевич Андреев называет цифру: у строителей поселка, который — так предполагают проектировщики — станет в будущем городом, свыше ста поставщиков.

В институте «Ленгипрогор» мы встретились с главным архитектором проекта, кандидатом архитектуры Л. Н. Путерманом:

— Северный берег Байкала, круто спускающийся к озеру, в одном месте образует высоко поднятый над водой мыс, который когда-то был назван мысом Курлы. Здесь в будущем вырастет обращенный в сторону озера Северо-Байкальск. Тут получат развитие строительная индустрия, пищевая промышленность, появятся научные учреждения.

Строить придется в сложных природных условиях: высокая сейсмичность, вечная мерзлота. Рельеф мыса Курлы намечено использовать для создания многоплановых композиций. Ярусы застройки, поднимаясь вверх, впишутся в природный ландшафт. Вдоль высокого, обрывистого берега Байкала протянется парковая зона.

Первая очередь строительства включает Дом культуры, гостиницу, техникум, большой торговый центр, столовые и кафе, вокзал, больницу с поликлиникой, баню, механическую прачечную. Особое внимание уделяется инженерному обеспечению. В жилых и общественных зданиях будут электрические плиты. В проекте предусмотрено централизованное теплоснабжение.

Многое еще исследуется, изучается. Мы присутствовали в Смольном на заседании координационного совета, возглавляемого секретарем Ленинградского горкома КПСС Б. П. Усановым. В работе совета участвовали проектировщики и строители.

Свыше 20 ленинградских научных, проектных и изыскательских организаций работают на БАМе. «Ленгипротранс» осваивает участок Чара — Тында: строителям выданы рабочие чертежи на первые 100 километров. Иные заботы у «Ленгипроречтранса» — он проектирует причалы на Байкале. Ученые Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта ведут крупные исследования, связанные с сооружением мостов и тоннелей.

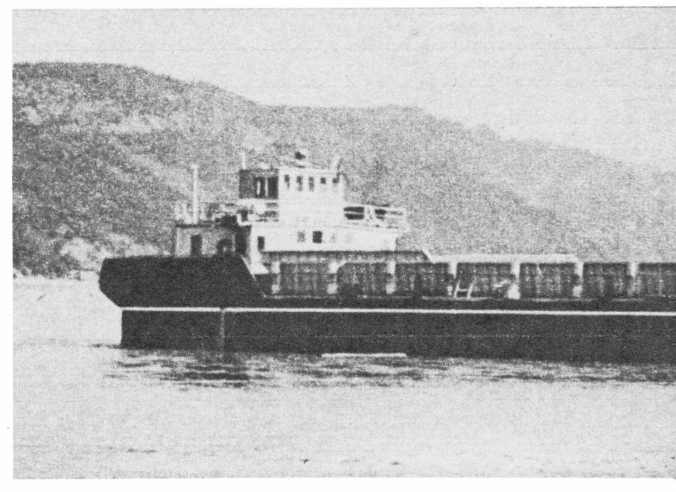
И еще один адрес: набережная Мойки. Здесь находятся мастерские Ленинградского зонального научно-исследовательского института экспериментального проектирования, где будут отобраны проекты домов и культурно-бытовых зданий для трассы БАМа.

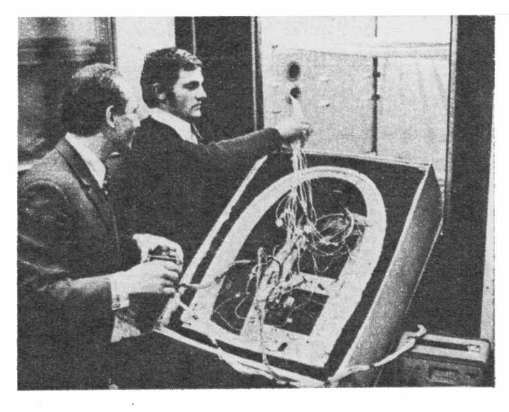
...Поистине трудно найти в Ленинграде крупный институт, завод, коллективы которых не помогали бы строителям великой трассы, строителям городов и поселков на этой дороге мужества.

●

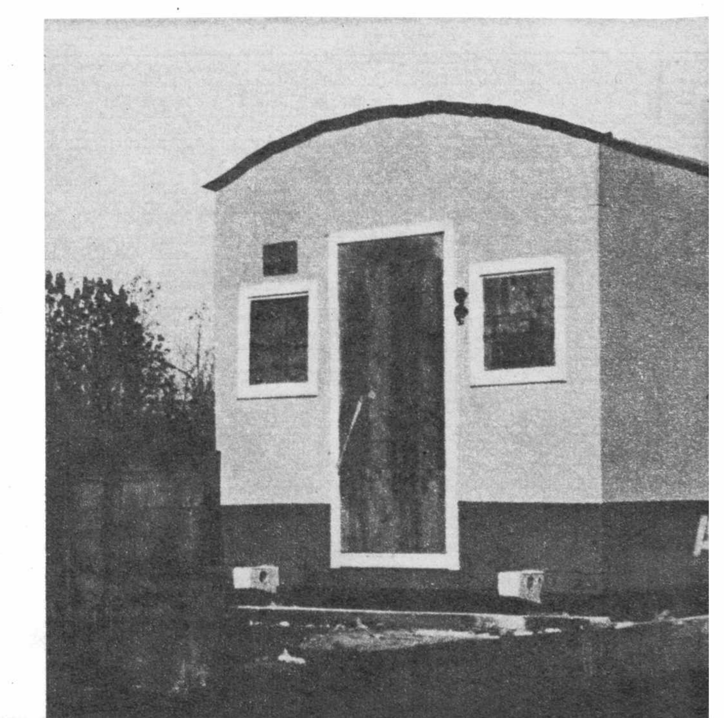
...Сколько их в стране, гигантских строек, городов, заводов, электростанций, в сооружении которых принимали и принимают участие ленинградцы. Днепрогэс и Хибины, Комсомольск-на-Амуре и Магнитка, КамАЗ и Саяно-Шушенская ГЭС... И вот теперь — БАМ. Ленинград шлет туда не только своих мастеров строительного дела, но и первоклассные машины, механизмы, его зодчие проектируют новый город на трассе. Таков он, вклад ленинградцев, в сооружение Байкало-Амурской магистрали.

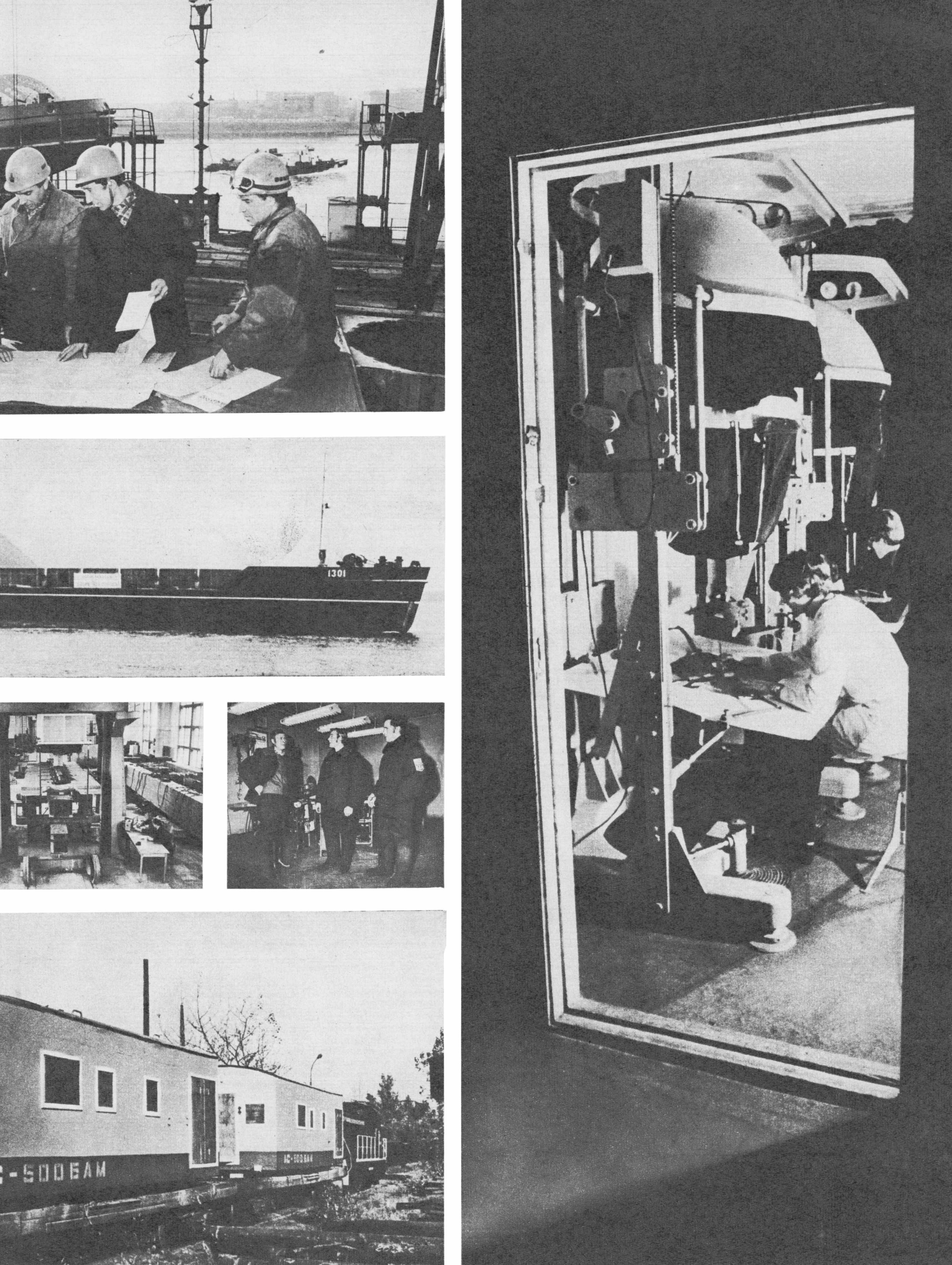

Судостроители «Петрозавода» строят вторую баржу, а первая уже плавает на Байкале. * Кафедра тоннелей и метрополитенов Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта ведет исследовательские работы по строительству тоннелей. * На полигоне этого же института идут испытания железнодорожных путей. * Швейное объединение «Труд» делает утепленные костюмы для строителей БАМа. * Завод «Звезда» отправляет бамовцам передвижные электростанции. * В аэрокосмической лаборатории Ленинградского гидрологического института идет обработка аэрофотосъемки будущей трассы.

1301
-500БАМ
IC-500БАМ

ЯРОСЛАВЛЬ — ГОРОД СЛАВНЫЙ...

Ю. СБИТНЕВ

Фото М. САВИНА

Города, как люди. Каждый наделен своим характером, своим талантом и подчас имеет свое ни с чем не сравнимое лицо. Я говорю «подчас» только потому, что некоторые наши города, сохраняя свои характеры, способности, таланты, свою индивидуальную сущность, становятся очень уж похожими внешне друг на друга.

Этот город со всеми своими памятниками древности, с новыми парками и скверами, с кварталами новостроек, с проспектами и улочками неповторим.

Восставая из былинной древности, он рос и формировался, отбирая в каждой эпохе самое лучшее, самое прогрессивное, самое красивое. Он неповторим — древний и молодой русский город Ярославль, вознесший себя над великой Волгой и тихой, неповторимой в какой-то задумчивой скромной красоте Которослью.

Когда стоишь на ярославской набережной и глядишь в широкий простор заволжья, распахивающийся на стрелке при слиянии этих двух рек, почему-то думаешь о судьбе народа, так широко и полноводно, как Волга, несущего доброту и щедрость и в то же время скромно, вдумчиво творящего на земле прекрасное, как эта малоизвестная, но такая прекрасная, как душа народа, Которосль.

Думая о Ярославле или живя в нем, я возвращаюсь к первооснове этого города, к людям.

Ведь это они творили и сохраняли красоту, строили и защищали, боролись и побеждали, рачительно оберегали ростки будущего и полной горстью сеяли новое и вечное.

Не стороною катилось колесо истории, много раз тяжелое его движение смерчем проходило по городу, оставляя пожарища и руины. Но ярославцы каждый раз подымали из пепла свой город.

Вдумчивый строитель, труженик и борец, человек, ищущий и находящий новое, а потом и утверждающий новое,— таким восстает в нашей истории ярославец. Взглянем мимолетно на страницы ее и перелистаем их. Одно из первых классовых восстаний в Древней Руси происходит на Ярославщине. Вот как говорит о том Ипатьевская летопись: «Когда однажды был голод в Ростовской земле, явились два волхва из Ярославля, говоря: «Мы знаем, кто держит обилие»,— и пошли по Волге». И не просто пошли, а повели за собой смердов против «старой чади» — знати того времени. Сразу же после татарского нашествия, всего два года спустя, ярославская дружина князя Всеволода восстает против поработителей в сечи на реке Сить. А в 1257 году жестокая битва произошла в непосредственной близости от города на Туговой горе. Небольшая горстка ярославцев противостояла чужеземной завоевательской тьме. Силы были неравные, и почти все русские воины сложили головы. Великим тугом — скорбью — оплакали их горожане. Отсюда и название горы — Тугова.

В смутные времена семнадцатого века Ярославль является центром патриотических сил. Тут формируется «Совет всея земли» из «всех чинов и людей Московского государства», который становится общерусским правительством, а Ярославль — временной столицей.

И дальше листаем мы страницы истории. Первая мануфактура. Первый русский профессиональный театр. Первый провинциальный журнал...

Не стоит в стороне и от надвигающихся революционных бурь город над Волгой.

В 1895 году тут вспыхивает массовая стачка рабочих Ярославской мануфактуры. Царское правительство выставило против рабочих войска. В статье Владимира Ильича Ленина «О стачках» читаем: «Солдатам приказывают даже стрелять в рабочих, и когда они убивают безоружных рабочих, стреляя в спину убегающим, то сам царь посылает свою благодарность войску (так благодарил царь солдат, которые убили в 1895 г. в Ярославле рабочих-стачечников)».

Но никакие репрессии не могут остановить движение вперед. В 1900 году марксистские группы и кружки Ярославля, Костромы, Иваново-Вознесенска объединяются в одну организацию — «Северный рабочий союз» с центром в Ярославле. Об этой организации знает и поддерживает ее появление Ленин.

Кипучая революционная деятельность в ярославском крае не ослабевает вплоть до 1 марта 1917 года, когда в городе был создан Ярославский Совет рабочих депутатов, а Советская власть тут была провозглашена 27 октября, спустя два дня после Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде.

Этот беглый взгляд в историю не просто перелистанные странички учебника, это сохраненная ярославцами память о былом. Пройдите по улицам города. Архитектурные ансамбли, дома, мемориальные доски, камни мостовых, рвы и валы, заросшие травою, покрытые бетоном и асфальтом, памятники и необыкновенно яркие и радостные орнаменты ярославских изразцов красноречиво расскажут вам о прошлом.

А о настоящем, о сегодняшнем ежеминутно повествуют ярославские ритмы. Ритмы заводов, строек, ритмы спешащих поездов, парящих в небе самолетов, плавные ритмы проплывающих по Волге теплоходов, сухогрузов, барж, ритмы подъемных кранов над новостройкой, сливающиеся в один большой и дорогой ритм человеческого сердца.

О многом довелось мне услышать в областном комитете партии. Мы говорили об истории и красоте города, говорили о новшествах производства, о фабриках, заводах, о качестве продукции и товарах народного потребления. О многом говорили мы, стараясь найти то единственное, что полнее определит характер города.

В этой пятилетке ярославцы взяли на себя обязательства сэкономить один миллиард рублей только за счет повышения качества продукции. Один миллиард только за счет того, что мотор, выпущенный моторным заводом, будет работать гораздо большее время, чем раньше, автомобильная шина износится гораздо позже назначенного срока, в общем, продукция, выпускаемая на фабриках и заводах, станет долговечнее. Кстати, в прошлом пятилетии сумма эта равнялась 520 миллионам рублей, а вот нынче скачок — миллиард. И этот миллиард был собран в государственную копилку уже к 1 мая нынешнего года. Двадцать процентов всей выпускаемой продукции с ярославской маркой имеет государственный Знак качества. Это самый большой процент в Союзе.

— Следующая пятилетка будет пятилеткой борьбы за повсеместное повышение качества всей продукции, выпускаемой на наших заводах, фабриках и предприятиях,— сказал мне секретарь обкома партии Владимир Иванович Попов.

И тут же мне посоветовали побывать на электровозоремонтном заводе, побывать на рабочей киностудии «Юность», познакомиться с ее директором Р. А. Юстиновым.

Скажу откровенно, что меня несколько озадачило такое предложение. Только что говорили о заводах, о планах, об экономии и каче-

---

Летом...

Город строится.

Белые корабли на синих плесах...

Театр имени Волкова.

Леша Матаков, дежурный по станции.

Сарынь на кичку...

В детском парке.

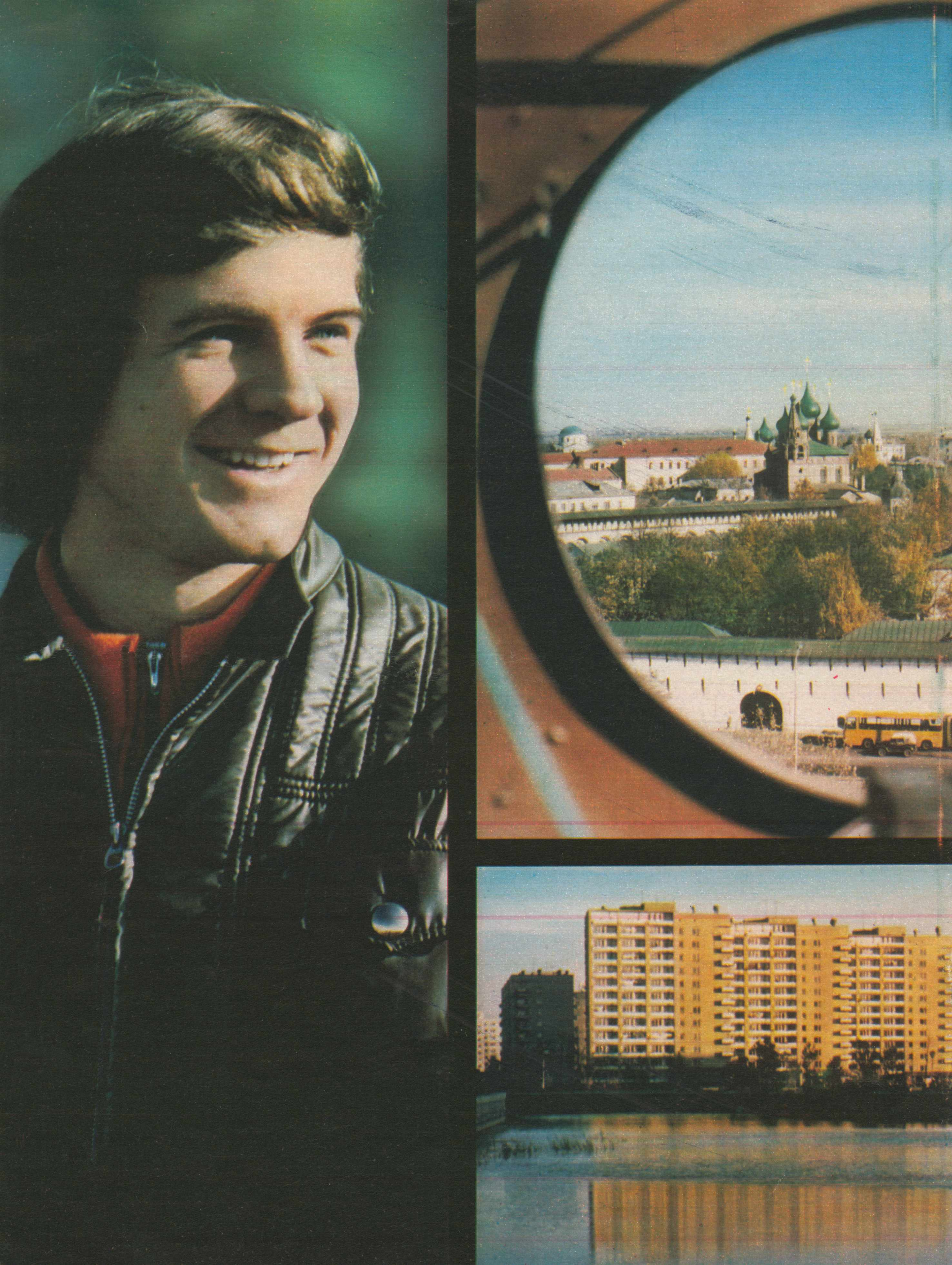
В стороне от центральной аллеи.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Ударник пятилетки, наладчик автоматических линий моторного завода Владимир Масаков.

Ярославль.

Татьяна Коробова — лекальщица Дома моделей.

стве, и вдруг, чтобы рассказать о Ярославле, надо знакомиться со студией, пусть и заводской, но с киностудией и ее директором.

И вот просмотровый зал. Студия, кстати, построена руками студийцев, рабочими, инженерами, служащими электровозоремонтного завода. Все тут делали методом народной стройки — от стен до прокладки электрокабеля и наладки аппаратуры. Рэм Александрович Юстинов, чуточку смущаясь и мягко улыбаясь, рассказывает о делах и творческих планах.

— Давайте посмотрим что-нибудь из отснятого вами,— прошу я.

— Не мной, а студийцами. У нас снимают все — от школьника до почтенного старца,— говорит директор и дает знак к демонстрации фильма...

...На колхозном поле под Ярославлем от шалости детей взорвалась бочка с бензином. В больницу доставили мальчика с тяжелыми ожогами. Повреждено более половины кожного покрова тела, и мальчик обречен. Но хирург Николай Николаевич Соловьев еще борется за угасающую жизнь, еще надеется. А что, если все-таки сделать операцию — приживить на место утраченной кожи живую? В тот день радио Ярославля передало не совсем обычную передачу. В ней было сказано, что в больнице от ожогов погибает мальчик и ему надо дать кожу. Такое сообщение уже через несколько минут привело в приемный покой больницы несколько десятков людей, пожелавших помочь неизвестному им мальчику. С каждой минутой их все прибывало и прибывало. На зов о помощи ехали из всех уголков Ярославля.

И все это в картине, все на экране. И отрешенное, уже пустое лицо мальчика, и его тельце, безжизненно повисшее на руках медицинских сестер, и сутолока, и гам, так несвойственный приемному покою больницы. И настороженные, даже испуганные, полные боли, но решительные глаза девушки, у которой вырезают лоскуток кожи, и упрямо сведенные брови хирурга, и снова лицо, но теперь лицо матери умиравшего мальчика.

Одиннадцать человек легли на операционный стол, чтобы помочь мальчишке выжить. Я видел их всех на экране и не мог не записать в своем блокноте их фамилии. Все одиннадцать. Вот они: Валерий Харитонов, Вениамин Жуков, Эля Лузинова, Валя Цикина, Сева Сорин, Володя Смирнов, Ревкат Исаков, Люда Цветкова, Наташа Иващенко, Владислав Кислица, Рэм Юстинов.

А потом демонстрируется фильм «Ритмы Ярославля». И снова на экране лица, лица молодые и старые, веселые и сосредоточенные, занятые и отдыхающие. И Ярославль — древний и молодой, труженик и боец — герой этого фильма.

Олег Одинцов — сварщик электровозоремонтного завода. С ним знакомишься в фильме «Рабочий характер» и уже не можешь забыть его. Хороший этот фильм о настоящем, добром человеке, которому на все есть время и сердце.

И фильм «Парень, который похож на тебя» надолго западает в душу. Фильм о солдате-ярославце, Герое Советского Союза Алексее Наумове, о его матери, о сверстниках Алексея, которые живут и ходят по улице имени Героя.

Ленту меняет лента. Живая хроника наших дней, будни города, странички из современной летописи Ярославля.

Позднее я перепишу в свою записную книжку десятки фамилий людей, с которыми познакомился, увидев их на экране народной киностудии «Юность», с некоторыми встречусь и подружусь, о многих еще и прочту и услышу, но первая встреча в полутемном демонстрационном зале не забудется никогда. Потому что это была встреча с Ярославлем, не просто с городом, но с его людьми. С людьми, которые трудятся, живут, радуются, снимают о родном городе фильмы, видят прекрасное и стремятся к нему.

Ресторан «Углич».

У Вечного огня.

Снимает киностудия «Юность».

Ярославские орнаменты.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. И. ФЕДОРОВА

В ПОИСКЕ ГЕРОИЧЕСКОГО

Среди произведений о Великой Отечественной войне прочное место заняли романы и повести Павла Федорова. Их автор начал войну командиром эскадрона в особом кавалерийском пограничном полку, затем служил в прославленном корпусе генерала Доватора помощником начальника штаба по разведке, участвовал в исторической битве за Москву. В 1944 году после третьего тяжелого ранения Павел Ильич Федоров был демобилизован из армии.

Еще в госпитале у него возникло желание написать книгу о воинах-конниках, об их бесстрашном командире, славном сыне белорусской земли Льве Михайловиче Доваторе. Он упорно работал над своим замыслом. В 1946 году была завершена первая книга, «Глубокий рейд», а в 1949-м вторая — «Под Москвой», которые и составили известный роман «Генерал Доватор», взволнованно повествующий о беззаветной борьбе советского народа в самые тяжелые месяцы 1941 года.

С первым произведением, принесшим большой успех писателю, тема Великой Отечественной войны стала, можно сказать, магистральной в творчестве Павла Федорова. Ей он посвятил свой роман «В Августовских лесах», повесть «Всадники и кони», ряд рассказов.

Раздумья над истоками советского патриотизма вызвали у П. Федорова обостренный интерес к истории. Писатель обратился к революционному прошлому Оренбургского края, где он родился в казачьей семье, где прошли его детство и юность. В вышедшей из-под его пера дилогии «Синий Шихан» и «Витим золотой» привлекают образы самозабвенных тружеников и борцов за торжество счастливой и справедливой жизни на земле.

Но не только в далеком и близком прошлом — и в нашей современности ведет писательский поиск П. И. Федоров. Увлекательно и зримо воссоздает он опасную и тревожную службу часовых наших рубежей. Советским пограничникам посвятил он книги «Встречный ветер», «Дело чести», «Будем жить», «Пограничная тишина».

18 ноября ветерану войны, писателю Павлу Ильичу Федорову исполняется семьдесят лет. И хочется от души пожелать ему еще долгих лет плодотворной творческой жизни, воплощения всех планов в новые, интересные и волнующие книги.

Юрий ПУХОВ

СОЛДАТЫ ПАРТИИ

Белоруссия. Витебск. Самые первые годы после Октябрьской революции... Русские, белорусские, украинские, польские, еврейские мальчишки и девчонки идут по родному городу и на всю улицу поют «Молодую гвардию». «А ведет всех нас Сергей Антонов, гроза обывательского хулиганья, нэпманских сынков и базарных спекулянтов...»

Сергей Антонов — ребячий вожак, завоевавший их доверие добротой и дружелюбием, справедливостью и бесстрашием; комсомольский секретарь, которого отличали высокая принципиальность и юношеское рыцарство; работник Центрального штаба партизанского движения, один из организаторов народной войны в Белоруссии; военный советник в Пекине в послевоенные годы — это центральный герой невыдуманной «Повести о моем друге», написанной Петром Андреевым. И одновременно он подлинный герой нашей жизни, которую Сергей вместе со своими друзьями строил и защищал и которая сделала их, представителей славного поколения 20-х годов, своими знаменосцами, рулевыми истории наших дней.

Автор повести вспоминает предвоенное время. В нем нет каких-то особо ярких событий. Ничто вроде бы не выделяло его товарищей. Но у них была одна общая огромная радость. Стахановцы, челюскинцы, папанинцы — автор приводит газетные сообщения, вспоминает приметы эпохи, и нам передается невиданный энтузиазм, которым была охвачена страна, бравшая приступом новые и новые рубежи социализма. И отсвет тех незабываемых лет ложится на страницы «Повести о моем друге».

Но вот пришел первый день Великой Отечественной. Военные дороги разлучили друзей и вновь соединили в Центральном штабе партизанского движения. Перед читателем проходят колоритные фигуры руководителей белорусских партизан П. Пономаренко и М. Шмырева, С. Притыцкого и В. Козлова, документы, рассказывающие о боевой деятельности отряда имени Щорса под командованием П. Машерова и о деятельности школьной: да, и на оккупированной территории партизаны организовали учебу детей, об этом сообщал секретарь ЦК ЛКСМБ К. Мазуров первому секретарю ЦК ЛКСМБ М. Зимянину.

Из «Повести о моем друге» мы узнаем, как подпольщики сумели расправиться с палачом белорусского народа гауляйтером Кубе, как перешел на нашу сторону «добровольческий корпус» подполковника Гиль-Родионова, который фашисты сформировали в основном из пленных военнослужащих Красной Армии для борьбы с народными мстителями. В книге Петра Андреева много и еще других малоизвестных интересных фактов.

Но главный ее интерес — в самих людях, воспитанных Советской Отчизной, нашей партией.

Д. ИВАНОВ

Петр Андреев. Повесть о моем друге. М., «Советская Россия», 1975, 192 стр.

НА СТРАЖЕ ИНТЕРЕ

Министр внутренних дел СССР генерал-полковник Н. А. ЩЕЛОКОВ

10 ноября 1917 года власть трудящихся, рожденная революционным Октябрем, провозгласила создание рабоче-крестьянской милиции. Этот день впоследствии стал праздником советской милиции.

В этом году День милиции отмечается в канун подготовки к XXV съезду КПСС — выдающемуся историческому событию в жизни советского народа. Съезды партии, руководящей и направляющей силы социалистического общества, всегда оказывали и оказывают огромное влияние на процессы экономического и социального развития страны, дальнейшее совершенствование советской демократии, укрепление правопорядка и законности. Решения партии определяют главные направления и содержание работы органов внутренних дел.

Работники милиции, как и все советские труженики, активно включились во всенародное патриотическое движение за достойную встречу съезда КПСС. Коммунисты и комсомольцы милиции, ветераны и молодые сотрудники стали на предсъездовскую вахту, чтобы обеспечить образцовый общественный порядок в городах и селах страны.

Советская милиция всегда была предана великим идеалам коммунизма, верно служила своему народу, партии, социалистическому государству.

Созданная на третий день после победы Октября, рабоче-крестьянская милиция была вооруженным отрядом трудящихся, вставшим на защиту революционного правопорядка. Ядро этого отряда составляли красногвардейцы, моряки Балтики, путиловцы, железнодорожники Москвы, иваново-вознесенские ткачи, шахтеры Донбасса, металлурги Урала — передовая часть пролетариата России.

Тяжелые испытания выпали на долю первых советских милиционеров. Вчерашние рабочие и крестьяне, солдаты и матросы, не имея опыта, плохо одетые и обутые, но горевшие революционным энтузиазмом, вели самоотверженную борьбу за дело трудового народа.

История советской милиции — это часть славной истории социалистического государства. Она полна примеров массового героизма рабочих и крестьян, посланных партией на трудный и сложный участок государственного строительства.

Сотрудники милиции мужественно и стойко выполняли свой долг, боролись с уголовной преступностью, политическим бандитизмом, кулацкими мятежами. Помогая ВЧК, милиция участвовала в ликвидации очагов контрреволюции, тайных складов оружия, боролась с белогвардейскими заговорами.

Вместе с частями Красной Армии отряды милиции сражались против белогвардейцев и интервентов в годы гражданской войны. В 1919 году при защите Петрограда от Юденича из работников милиции были сформированы боевые отряды, которые успешно действовали на Ямбургском направлении. В 1921 году вместе с делегатами X съезда РКП (б) работники милиции участвовали в разгроме кронштадтских мятежников.

Немало сотрудников милиции отдали свои жизни за власть Советов. Их имена вписаны в героическую историю становления первого в мире социалистического государства.

Коммунистическая партия и Советское правительство проявляли постоянную заботу об укреплении милиции, воспитании ее сотрудников в духе героических революционных традиций, любви к социалистической Родине и ее народу, в духе верности долгу, честности, принципиальности.

При исполнении служебных обязанностей погиб начальник отделения уголовного розыска Казани Николай Голубятников. Наркомсобес запросил правительство Татарии о заслугах павшего для назначения пенсии. На этой телеграмме от 31 января 1921 года история сохранила дорогие ленинские слова: «Подтверждаю просьбу, прошу быстро ответить телеграфом. Предсовнаркома Ленин». В ответе сообщалось, что Николай Голубятников, «руководя лично поимкой бандитов, сражен двумя выстрелами... Голубятников был человек энергичный, безупречной честности, открыл много крупных краж». В. И. Ленин ознакомился с ответом и поручил дать телеграфное распоряжение о назначении матери погибшего усиленной пенсии.

В годы индустриализации и коллективизации милиция помогала народу на трудовом фронте, пресекала жульнические махинации нэпманов, расхитителей и спекулянтов и другие преступления, помогала беспризорным детям.

В нынешнем году советский народ отметил 30-летие Победы в Великой Отечественной войне. Эти суровые годы занимают особое место в истории милиции. Вместе со всеми советскими людьми сотрудники милиции встали на защиту Отечества. Они мужественно и стойко сражались в рядах действующей армии и партизанских отрядах, обеспечивали охрану порядка в тылу.

Уже в первые дни вражеского нашествия подразделения милиции Украины, Белоруссии, Молдавии, Литвы приняли участие в боях с гитлеровцами. Истребительные полки милиции Латвии и Эстонии плечом к плечу с воинами армии стойко отражали атаки превосходящих сил противника у стен Лиепаи и Кингисеппа.

На подступах к Могилеву рядом с воинами 172-й стрелковой дивизии сражался батальон милиции капитана милиции К. Г. Владимирова, в составе которого были курсанты Минской школы милиции. Все они стояли насмерть, в живых осталось лишь 19 бойцов. В память об этом подвиге одна из улиц Могилева носит имя милицейского комбата Владимирова.

В обороне Бреста, Одессы, Киева, Сталинграда, Севастополя, Керчи, Новороссийска принимали участие и работники милиции. Из московской милиции ушли на фронт тысячи сотрудников. В боях они стали образцом героизма, отваги и храбрости. Высокого звания Героя Советского Союза были удостоены милиционеры Москвы И. В. Кирик, Д. В. Шурпенко, горьковчанин М. Ф. Ларин. Постовой эстонской милиции Якоб Кундер повторил в бою подвиг Александра Матросова. Он также удостоен звания Героя Советского Союза.

За годы войны милиция Москвы внесла в фонд обороны страны 54 миллиона рублей. На эти средства была создана танковая колонна «Дзержинец».

Мужественно несла свою суровую вахту милиция осажденного Ленинграда. Ее батальоны стойко сражались с врагом в районе Невской Дубровки и на других участках фронта.

Немало партизанских отрядов и групп подполья на оккупированной территории возглавляли сотрудники милиции. Боевым помощником разведчика Ивана Кудри в Киевском подполье был работник уголовного розыска Г. П. Дудкин.

Родина высоко оценила доблестный труд и ратные подвиги советской милиции. Десятки тысяч ее сотрудников награждены боевыми орденами и медалями. Милиция Москвы и Ленинграда за успешное выполнение заданий правительства, доблесть и мужество, проявленные в годы войны, награждена орденами Красного Знамени.

Выполняя высокую гуманную миссию, милиция помогла разыскать 2,7 миллиона граждан, с которыми родственники во время войны потеряли связь, вернуть в семьи 120 тысяч детей.

За три послевоенных десятилетия советский народ далеко шагнул вперед, еще больше возросло могущество нашей Родины. Современный этап развития нашего общества характеризуется дальнейшим совершенствованием общественных отношений, развитием социалистической демократии, повышением трудовой и политической активности масс.

Строительство коммунизма — сложный и многогранный процесс, охватывающий экономические, политические, социальные, идеологические, правовые и воспитательные проблемы. Советский народ под руководством партии ведет большую созидательную работу на всех участках коммунистического строительства. В развитом социалистическом обществе возрастает роль права, законности, общественной дисциплины и порядка, уважение к нормам социалистического общежития. В решение этих важных задач вносит свой вклад и советская милиция.

Вместе с другими административными органами, в тесном взаимодействии с общественными организациями советская милиция непосредственно участвует в решении историче-

СОВ ТРУДЯЩИХСЯ

ской задачи Программы партии — ликвидировать преступность и устранить причины, ее порождающие. Для решения этой задачи в нашей стране имеются необходимые экономические и социальные предпосылки. Под руководством Коммунистической партии советский народ создает материально-техническую базу коммунизма — основу могущества нашей страны и последовательного улучшения материального благосостояния трудящихся. Неуклонно возрастает эффективность работы партии по формированию нового человека — человека коммунистического общества. Повышается культурный уровень и сознательность советских людей.

Но при всех этих условиях ликвидация преступности — сложный процесс, требующий постоянных усилий партийных и государственных органов, общественных организаций, всех советских людей. Здесь особенно важна бескомпромиссная наступательная борьба с вредными пережитками прошлого, преодоление антиобщественной психологии и морали. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркивал: «Преступность, любые формы антиобщественного поведения — это социальное зло, и бороться с ним следует повседневно, бороться твердо и решительно».

Главным направлением борьбы с антиобщественными явлениями служит профилактика, предупреждение правонарушений. Это наиболее действенный и в то же время самый гуманный путь борьбы с преступностью. Вовремя предупредить, не допустить неверного шага, удержать от него человека еще до того, как он нарушил закон,— такова основная цель советской милиции. Вместе с тем ее важнейшими задачами являются быстрое и полное раскрытие преступлений, всемерное содействие устранению причин и условий, их порождающих. Все это требует от каждого сотрудника милиции прочной идейной закалки, высокого профессионального мастерства.

Огромную роль в дальнейшем совершенствовании деятельности советской милиции сыграли решения XXIV съезда партии, июльские (1966 год) решения ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР и ноябрьское (1968 год) постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, наметившие широкий круг мер по укреплению законности и правопорядка, усилению борьбы с правонарушителями.

Кадры, как известно, решают успех любого дела. Партия и правительство уделяют неослабное внимание укреплению кадров органов внутренних дел. Теперь две трети рядового и младшего начальствующего состава милиции имеют среднее образование. Практически все офицеры милиции имеют высшее и среднее образование, а начальники городских и районных отделов внутренних дел все являются специалистами высшей квалификации.

Пополнение рядов милиции происходит по рекомендациям коллективов трудящихся и общественных организаций.

Большую роль в обучении, воспитании, повышении профессионального мастерства наших кадров имеет система первоначальной подготовки и широкая сеть высших и средних специальных учебных заведений МВД СССР. Руководящие командные кадры готовит Академия МВД СССР. Выпускники Академии МВД СССР должны быть безупречными специалистами, активными бойцами за коммунистические идеалы, обладающими большой культурой, твердым, решительным характером и исключительной человечностью. Эти качества являются определяющими в системе обучения и воспитания сотрудников милиции.

В милиции служат теперь квалифицированные юристы и инженеры, педагоги, социологи, политработники — специалисты различных профессий.

За последние годы значительные изменения произошли в организации работы милиции. Создана и функционирует профилактическая служба. Она объединяет усилия органов внутренних дел и общественности в профилактике правонарушений. Укреплены силы милиции, несущие службу на улицах и в других общественных местах. Усовершенствована патрульно-постовая служба в городах. Продолжается оснащение милиции современными средствами связи, сигнализации, транспорта и криминалистической техникой. Приняты меры для улучшения деятельности уголовного розыска, ОБХСС, транспортной милиции.

Больше внимания уделяется усилению контроля за соблюдением условий безопасности дорожного движения, повышена эффективность деятельности Госавтоинспекции, совершенствуется регистрационная и экзаменационная работа. Во всем этом оказывает помощь Всесоюзный научно-исследовательский институт безопасности движения.

Ответственные задачи стоят перед советской милицией в связи с выдачей паспортов нового образца. Обмен паспортов начнется с января 1976 года. Сейчас повсеместно завершается подготовка к проведению этого важного государственного мероприятия. Обмен паспортов будет способствовать воспитанию у советских людей чувства советского патриотизма, гордости за свою социалистическую Родину, высокой сознательности и ответственности за исполнение гражданского долга.

Дальнейшее совершенствование деятельности милиции, всех ее служб основывается на строгом и неуклонном соблюдении социалистической законности. Всемерное укрепление законности — главнейший, нерушимый принцип работы милиции. Соблюдение законности является определяющим критерием зрелости и ответственности наших кадров.

Правильно сочетать меры убеждения, общественного воздействия и принуждения — это решающее требование к работникам советской милиции. Диалектика жизни, диалектика воспитания, принципы социалистической законности обусловливают необходимость применения суровых мер наказания в отношении злостных преступников и мер общественного воздействия, воспитания в отношении лиц, впервые допустивших малозначительные правонарушения.

Коммунистическая партия определила главное направление в борьбе с антиобщественными проявлениями. Предотвращение правонарушений, профилактика были и остаются основной задачей милиции. Немало было сделано за последние годы для того, чтобы в законодательном порядке вооружить советскую милицию богатым и действенным арсеналом средств, методов предупредительно-профилактической работы. Основной базой здесь является трудовой коллектив. Можно привести немало примеров целеустремленной совместной работы производственных коллективов и подразделений милиции в профилактике правонарушений.

Сотрудникам милиции глубоко чужда профессиональная изоляция, замкнутость. Охрана общественного порядка, борьба с преступностью ведутся в интересах трудящихся, вместе с трудящимися. Глубокая народность, демократическая и гуманная сущность деятельности советской милиции исключают возможность использования своих прав вопреки воле народа, вопреки закону. Для этого есть достаточно прочные гарантии надзора и контроля.

МВД СССР внимательно рассматривает все поступившие письма трудящихся. Нередко в них сообщается о недостатках в охране общественного порядка, в деятельности милиции. По каждому такому письму проводится проверка. На места выезжают сотрудники, а то и целые бригады для устранения недостатков. Министерство и впредь будет принимать необходимые меры по сигналам трудящихся и благодарно за заботу об улучшении деятельности милиции. Борьба с преступлениями, за укрепление общественного порядка должна усиливаться повсеместно.

На всех этапах своей истории советская милиция выполняла возложенные на нее задачи под руководством Коммунистической партии. Руководство партии — главный источник силы нашей милиции. Партия осуществляет постоянный и требовательный контроль за ее деятельностью. Партийное руководство обеспечивает укрепление связей милиции с трудящимися. Все большее развитие получают формы и методы взаимодействия милиции с общественностью, трудовыми коллективами. Успешно действуют советы профилактики правонарушений на промышленных предприятиях и стройках. Основой профилактической работы в городах и районах становятся комплексные планы, которые утверждаются партийными и советскими органами.

Новым проявлением заботы об укреплении правопорядка явилось дальнейшее совершенствование деятельности добровольных народных дружин. Указом Президиума Верховного Совета СССР определены основные обязанности и права дружинников, повышается их роль и активность в охране общественного порядка.

По инициативе партийных организаций Москвы и Ленинграда были созданы для профилактической работы с населением по месту жительства опорные пункты правопорядка. Они открывают широкие возможности для усиления воздействия общественности и милиции на лиц, склонных к правонарушениям, пьянству и хулиганству. В опорном пункте совместными усилиями решаются задачи общей и индивидуальной профилактики, ведется работа с трудными подростками. Здесь в тесном контакте действуют советы общественности, депутаты местных Советов, дружины, товарищеские суды, участковые инспектора милиции. Деятельностью опорных пунктов, получивших широкое одобрение трудящихся, руководят закрепленные за микрорайоном партийные организации предприятий.

Участие трудящихся в борьбе с антиобщественными явлениями ширится с каждым днем. Милиция постоянно ощущает поддержку трудовых коллективов, активистов опорных пунктов, народных дружин и их оперативных комсомольских отрядов.

Высокая гуманная миссия возложена на советскую милицию. Самоотверженным выполнением своего долга милиция завоевала доверие и уважение трудящихся. Ее сотрудники делают все, чтобы быть достойными этого доверия, высоко нести звание представителей власти трудящихся, зорко охранять общественный порядок, права и интересы граждан Страны Советов.

Фазу АЛИЕВА

СЕРДЦЕБИ

ЗДРАВСТВУЙ, ПРАДЕД МОЙ!

Снова я в своем родном ауле,
Зной стоит, как розовый туман,
Все дома как будто бы уснули,
И нигде не видно аульчан.
А они сейчас на поле боя,
Время жатвы — это тоже бой.
В том бою за зернышко любое,
Драгоценной жизнью налитое,
Могут горцы жертвовать собой.
С тем же гордым чувством, как веками
За любую пядь родной земли
В битвах с чужеземными врагами
Жертвовать собой они могли.

Утопаю в неоглядном лете.
Гул комбайнов режет тишину,
Техника двадцатого столетья
Валит в поле за волной волну.
И стихия вольная послушно
Образует стройные ряды,
И ликует сердце простодушно
Посредине огненной страды.
И, как вышедший из почвы колос,
Золотится мудрость земляков,—
Это прадедов далекий голос,
Вышедший из глубины веков:
«Летом руки не горят от солнца
И спина не мокнет под дождем,
Колос, в летний день спасенный горцем,
В зимний день спасает горский дом».

Мудрость не рождается случайно,—
Светлое открытие она,
И в железном говоре комбайна
Сердцу моему она слышна.
Как бы горько ни жилось в то время,
Прадедов земля была мудра,
И, за семенем вбирая семя,
Не меняла своего нутра.
Изменился только облик внешний,
Голос трудолюбия не молк,
Поле с благодарностью извечной
Свой священный выполняет долг.
Хлеб родит земля моя родная,
Это есть ее благая цель,
И, горбы собою прикрывая,
Мирную качает колыбель.
Горская земля не изменяет
Никогда призванью своему,
Потому она и не прощает
Никакой измены никому.
Утопаю в поле светоносном.
Спелый хлеб, как море янтаря...
Прадеда на поле бесполосном
Я сегодня вспомнила не зря.
В розоватой дымке небосвода,
Размыкая времени кольцо,
Цвета ослепительного меда
Проступает прадеда лицо.
Нет, не голос слышу из-за гроба,
То колосья буйно проросли,
Словно это руки хлебороба
Вознеслись до неба из земли.
И не красного словечка ради,
Оглашая весь земной предел,
Говорю я:

— Здравствуй, добрый прадед!
Здравствуй, хлебопашец, земледел!
Крепко-крепко связываю строки,
Чтоб они стояли, как стога:
«Только тот земли хозяин строгий,
Кто земле покладистый слуга».

ПОЭЗИЯ ЗЕМЛИ

Поэтом не был
Никогда мой прадед,
И даже расписаться он не мог,
Хотел бы, да рука с пером не сладит.
Он был немногословен, как поток
Речной, когда, покинув скал теснину,
Степенно тот выходит на равнину.
Слова он в сердце взвешивал стократ,
Как ювелир, чеканил их упорно,
В полет пускал их, как орел орлят,
Лелеял их, как добрый пахарь зерна.
Пусть набухают каждый день и час
И да умножатся в двенадцать раз,
Да будет слово нужным, как зерно,
Да созревает в колосе оно,
Да будет каждому оно знакомо,
Да будет, словно хлеб, оно весомо,
В краю родном пусть голод утолит,
Своим теплом пусть холод удалит.
Слова, как зерна, зрели и росли.
Читал их прадед в письменах земли.
И сам их выводил, дружа с добром,
И острый плуг служил ему пером.
Ненастным утром, в полдень, на припеке,
Он борозды выравнивал, как строки.
Слова мой прадед подбирал с любовью,
Обдумывал их тщательно весьма,
Он твердо помнил, что для многословья
Не надобно особого ума...
Он крепко помнил, пахарь в поле горном:
Никто не сеет и не жнет сорняк,
И если мы сорняк не вырвем с корнем,
Он вырастет быстрей, чем хлебный злак.
Добыл он мудрость из глубин народных:
«Пусть будет слово хлебом для голодных».

УПУСТИШЬ ДЕНЬ ВЕСНЫ...

Каждый день мой прадед гладил
Плуга блесткие бока,
Сам не ел, но трижды за день
Досыта кормил быка.
Он пытливым глазом горца
Каждый предвесенний день
Наблюдал движенье солнца,
Измерял и свет и тень.
Он втыкал свой посох в почву,
Чтоб измерить глубину
Таянья, и очень точно
Он предсказывал весну.
И, выкапывая корни,
Разрезал их пополам,—
Возвещал их сок задорный,
Что весна спешит к полям.
И вставал он спозаранку,
Как всегда вставать привык,
Направлялся на делянку,
В острый плуг впрягался бык.
Молвил пахарь:
«Я уверен,
Где забота, там доход.
Будет день весны потерян —
Потеряешь целый год!»

ПАХАРЬ ПРОКОРМИТСЯ...

Он, мой прадед, гордился конем
быстроногим,
Его горскою гордостью был и кинжал,
Потому что, вот эти тропинки-дороги
Защищая, не раз он кинжал обнажал.
Был мой прадед
В своих убеждениях тверд:
Был трудом хлебопашца особенно горд.
Плуг вручал сыновьям своим в возрасте
раннем,
Их испытывал силу
Простым испытаньем:
Мальчугану на голову шапку с размаху
Он набрасывал: если не дрогнет сынок,
Устоит на ногах под тяжелой папахой,
То за плугом отцовским идти — самый срок.
И тогда начинались труды и уроки.
Обучались его сыновья, как пахать,
Чтоб на пахоте борозды были глубоки,
Как скалистую горскую землю взрыхлять,
Чтобы комья рассыпались мягко и нежно,
Как, советы отца исполняя прилежно,
Равномерно зерно золотое бросать,
Чтобы стебли на равном росли расстояньи,
Чтобы поровну всем доставалось сиянье,
Чтоб колосья друг другу расти не мешали,
Но и чтоб друг без друга они не скучали.
Так мой прадед упорно учил сыновей,
Чтобы землю свою полюбили сильней,
Чтоб наказ его помнили твердый,
всегдашний:
«Только тот пожинает, кто сеет на пашне».

ХЛЕБ ИЗ СНА НЕ ПЕЧЕТСЯ

Он, мой прадед, дрожал над делянкой,
Как над люлькою с первым дитем,
Сна не зная, трепещет горянка...
Доставался с огромным трудом
Хлеб ему,
Лишь любовь и дитя
В жизни так тяжело достаются.
Вспашет поле —не спит, ждет дождя,
Вместо снов тучи серые вьются.
А дождется колосьев —
Опять
Новый страх не дает ему спать:
Как бы градины хлеб не побили,
Как бы засуха хлеб не сожгла!
Наконец-то хлебов изобилье,
Наконец-то и жатва пришла.
Но опять хлеборобу не спится
В его глиняном горском дому:
То грабителя-ветра боится,
То мерещится ливень ему.
И трясла мужика лихоманка!
Да, мой прадед дрожал над делянкой,
Как горянка над люлькой. И вот
Кулаками, бывало, потрет
Он глаза свои и усмехнется:
«Хлеб из сна никогда не растет,
Хлеб из снов никогда не печется».

ДОСТОИНСТВО ДЖИГИТА

Обряды, которых в горах и не счесть,
Учили, что хлеб — это высшая честь,
Что надо трудиться земле на потребу.
Мерилом достоинства юноши здесь
Считалось его отношение к хлебу.
Для горца-джигита, что мог оседлать
Любого коня, и лететь по просторам
Крутым, и на полном скаку подобрать
Песчинку иль
камень,
Считалось позором
С коня, не добравшись до цели, сойти,
Пусть даже горела б земля на пути,
Пусть даже коняга передние ноги
Над пропастью поднял,
Но коль на дороге
Лежит колосок,
Ломтик хлеба лежит,
Всегда остановится добрый джигит.
Поднимет он хлеб и, очистив от пыли,

ЕНИЕ ЗЕМЛИ

Поест и накормит коня своего.
За это его не корили — хвалили.
Почтенные пахари так говорили:
«Умеет он хлеб уважать, хоть и молод.
Пускай же минует достойного голод.
Он на поле будет хорошим жнецом,
В семье своей будет
Достойным отцом».

ТАК СВАТАЛИ НЕВЕСТУ ПРАДЕДУШКЕ

А теперь послушайте рассказ,
Как невесту сватали у нас.
Если выбрана была невеста,
В доме жениха месили тесто,
Начиняли мясом свой пирог.
Девушке-невесте на порог
Приносили тот пирог в хурджине,
Вешали на столб крыльца, на гвоздь:
Родичам невесты пусть отныне
Возвестит румяный круглый гость:
«Вашей дочери мы руку просим,
Потому-то и пирог подносим,
Ибо знайте, в доме жениха
Будет жить да поживать сноха
Беспечально, как цветок в росинке,
Хорошо ей будет в новом месте,
Правая рука — в отменном тесте,
Левая рука — в мясной начинке!»

Жениха взволнованная мать
Через два денька порой закатной
Поднималась на крыльцо опять,
Чтобы тихо, незаметно снять
Тот хурджин и унести обратно,
Чтобы развязать в своем дому
Эту переметную суму.
Если прежний был пирог — отказ!
Если ж находили в добрый час
Там пирог другой, пирог медовый,—
Это означало:
«Мы готовы
С вами в близкое вступить родство,
Наше пожеланье таково:
Мы прогоним горе и беду,
Пусть невесту радует жених.
Да пребудет счастье молодых
Сладким-сладким, как пирог в меду!»

И ПЛЯСАТЬ ЛЮБИЛ ПРАДЕД МОЙ

Мой прадед был отменным плясуном,
Таким, что им на свадьбах восторгались,
Земля под ним ходила ходуном,
Хоть пальцы ног едва земли касались.
В глазах такое было озорство,
Он так кружился на одном носочке,
Что все горянки, глядя на него,
Подбрасывали вверх свои платочки.
Плясал легко-легко, как бы летя,
И был похож на малое дитя.
Взирая на него со стороны,
Сказали б: «Глух он ко всему на свете,
Помимо барабана и зурны!»
Воистину, так пляшут только дети.
Плясал он и выкрикивал: «Гарс! Гарс!
И в танце, женской прелести дивясь,
Вставал перед горянкой на колено.
О, ничему земному, несомненно,
Он не был чужд,
Пленялся красотой,
И стройностью, и гибкостью горянки...

После веселья с силою двойной
Он жал свой хлеб на крохотной делянке,
Твердя:
«Кто не танцует, не поет,
Тот вяло сеет и уныло жнет».

И ПЕЛ ПРАДЕД МОЙ

На свадьбе веселой,
И в битве тяжелой,
И на золотой борозде
Союзницей верной
И спутницей верной
Была ему песня везде.

На свадьбе веселой
Звенел его голос,
Пел прадед о вечной любви,
Так нежно, и складно,
И так безоглядно,
Как только поют соловьи.

А в битве тяжелой
Гремел его голос
Суровей, чем клекот орла.
Он пел об отваге
Отцов и о влаге,
О той, что рекою текла.

А в поле, как колос,
Звучал его голос
О тяжком, но чудном труде.
Союзницей верной
И спутницей верной
Была ему песня везде.

ХЛЕБНЫЙ ВЕНЕЦ

Когда в горах скакали кони вскачь
На празднествах, во время состязаний,
То победителю односельчане
На шею надевали тот калач,
Что испекли хозяюшки заране.
Был исстари в горах такой закон:
Тому, кто был победой озарен,
Любимцу счастья, удали, удачи
Вручали здесь не слиток золотой,
А высший дар — наш вечно молодой,
Наш горский хлеб пахучий и горячий.
И победитель, что в горах окреп,
Любовно преломлял награду-хлеб
И раздавал беременным и детям,
Чтоб те, насытясь чудным хлебом этим,
На радость матерям своим росли,
И защищали хлеб своей земли,
И побеждали в состязаньях трудных
При ликованьи сборищ многолюдных.
Был победителем и прадед мой.
Калач ломая сильною рукой
И раздавая детям ломти хлеба,
Он говорил:
«Вся сила в ломте хлеба,
Пусть голода никто из вас не знает,
Ведь голод и героя с ног сшибает».

ПЕРВЕЙШИЙ ДОЛГ ПРАДЕДА МОЕГО

Думая про три своих аршина
Вечные,— а их не обойдешь,—
Знал мой прадед:
Коль отец хорош,
Это вовсе не заслуга сына.
Но всегда отцовская заслуга,
Если хороши его сыны,
Если грудью могут друг за друга
Постоять в кровавый час войны.
И растил он милых сыновей
Строго, добросовестно и с толком,—
Прадед воспитание детей
Почитал своим первейшим долгом,
Высшим долгом пред землей своей.
Вырастали сыновья на славу,
И земле несли свою любовь,
И гордился прадед мой по праву
Сыновьями:
Плоть его и кровь,
Сыновья его не подводили,
Хлеб растили и врагов разили.
Нет, отцу не страшно и в могиле,
Если на земле остался сын,
С детства помнящий завет один:
«Прежде чем пожать земные всходы,
Надо в стужу мерзнуть, в зной потеть,
Надо в поле многие невзгоды,
Многие печали претерпеть.
Суть земли — в познании высот.
Путь к добру земли многострадален,
Мед к тому лишь попадает в рот,
Кто не раз пчелою был ужален».

ТАК ЖИЛ ПРАДЕД МОЙ

Вот так и жил мой прадед —
Достойная душа,
Вот так и жил мой прадед,
Душою дорожа.
Вот так и жил он, зная
Пути земного суть:
Дорога лишь прямая
Не даст с пути свернуть,
Прямая не заблудится
В снегу или впотьмах,
Как речка не заблудится
В своих же берегах.
Но и прямой дорогой
Идя, свой каждый шаг
Обдумывал он строго,
Чтоб не попасть впросак.
Был прадед мой не хлипок,—
Был с совестью в груди,—
Он избегал ошибок
На жизненном пути.
По совести жил прадед,
И до последних дней,
В день предстоящий глядя,
Учил он сыновей:
«Ошибку за мгновение
Ты совершишь, но вот
Порой на исправление
Ее вся жизнь уйдет».

КРЕСТЬЯНСКАЯ КРОВЬ

И мне передал благородно
Мой прадед крестьянскую кровь.
Крестьянская кровь плодородна,
Сильнее всего в ней — любовь
К земле.
И не хуже мужчины
Пахать я и сеять могу
И, славя родные вершины,
Свой хлеб приношу к очагу.
И с влагой молочной, грудною
Впитали мои сыновья
То самое чувство святое,
С которым здесь выросла я.
И мнится: стою на скрещенье
Веков и преданий,
И вот
Свой хлеб,
Словно благословенье,
Мой прадед мне передает.
И я этот хлеб преломляю
И передаю сыновьям...
Страда.
Всей душой прикипаю
К горячим, гудящим полям.
Здесь все, что мне любо и дорого.
Земли благодать и красу
В стихах своих людям несу,
Я, правнучка пахаря доброго,
Горянка, крестьянка Фазу.

Перевела с аварского
Инна ЛИСНЯНСКАЯ.

Юлиан **СЕМЕНОВ**

ТРЕТЬЯ КАРТА

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

...В шифровке Центра, которую Магда передала Штирлицу, говорилось следующее: «Найдите возможность локализовать действия террористов «Нахтигаля», внимательно просмотрите линию взаимоотношений Оберлендера с гестапо. Можете предпринимать шаги против «Нахтигаля», сообразуясь с обстановкой на месте. По нашим сведениям, между абвером и СД существуют тактические расхождения во взглядах на функции «Нахтигаля». Смысл этих расхождений нам до конца не известен. Однако можно предположить, что СД не хочет отдавать свои права кому бы то ни было, в чем бы то ни было и где бы то ни было. Постарайтесь выяснить взаимоотношения, сложившиеся между СД и сотрудниками иностранного отдела НСДАП.

Алекс».

«СС бригадефюреру Шелленбергу.
Строго секретно, лично.

По сведениям, полученным мною от Омельченко, руководители «Нахтигаля» стараются присвоить себе право карать и вершить суд на украинских территориях, подлежащих колонизации. Поскольку это входит в противоречие с доктриной великого фюрера германской нации Адольфа Гитлера, подчеркивавшего, что право карать поверженных принадлежит только германским властям, прошу санкции на действия.

СС оберштурмбаннфюрер Штирлиц».

«Штирлицу.
По прочтении сжечь.

Запрещаю предпринимать какие-либо действия против «Нахтигаля» — впредь до особых указаний. Сообщите позиции чиновников иностранного отдела НСДАП и сотрудников министерства восточных территорий в связи с этим вновь открывшимся обстоятельством.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—45.

Выясните, является ли намерение ОУН присвоить себе карательные функции инициативой Оберлендера, или он действует, консультируясь с соответствующими службами НСДАП.

Шелленберг».

«СС бригадефюреру Шелленбергу.

По моим сведениям, Оберлендер поддерживает постоянные контакты с Лахузеном. Его связи с гестапо (Диц) или Фохтом (мин. вост. территорий) мне неизвестны.

СС оберштурмбаннфюрер Штирлиц».

«Штирлицу.
По прочтении сжечь.

Собирайте все факты, имеющие отношение к этому вопросу. Сообщайте обо всех попытках Оберлендера считать себя персоной, претендующей на самостоятельность. Какие-либо акции без соответствующего на то указания запрещаю.

Шелленберг».

«Алексу.

Получил задание Шелленберга тщательно изучать претензии шефа «Нахтигаля» Оберлендера на самостоятельность и на право карательных функций без утверждения РСХА. Какие-либо действия без его санкции запрещены.

Юстас».

«Юстасу.

Выполняя распоряжение Шелленберга, предпринимайте всевозможные шаги для того, чтобы скомпрометировать «Нахтигаль» в глазах СД.

Алекс».

«СС бригадефюреру Шелленбергу.
Строго секретно, лично.

По моим сведениям, оберштурмбаннфюрер Диц (IV управление РСХА) имеет постоянные контакты с неким Мельником. Мельнику можно приказать точно выяснить намерения легионеров «Нахтигаля». Следует ли мне подключиться к Дицу?

СС оберштурмбаннфюрер Штирлиц».

«Штирлицу.
По прочтении сжечь.

От совместной работы с Дицем воздержитесь. Выполняйте возложенное на вас поручение — держать руку на пульсе событий и постоянно информировать меня о новостях. Помните, что легион «Нахтигаль» нужен нам как послушное орудие террора. Все, что мешает этому, будет предметом особого рассмотрения.

Шелленберг».

«14.6.1941 г. ...Большое совещание у фюрера.

Доклады командующих группами армий, армиями и танковыми группами о плане операции «Барбаросса».

11.00. Совместный доклад Фалькенхорста и Штумпфа (ВВС) об операции «Голубой песец». Северная группа начинает операцию в день «Б + 7», южная группа — в день «Б + 9».

13—14.00. Доклады командующих армиями и танковой группой, входящими в группу армий «Юг». При этом уточняются вопросы о Румынии. До начала наступления Антонеску будет формально возглавлять высшее командование в Румынии. Ему должен быть придан в качестве «рабочего штаба» штаб 11-й армии, который и будет осуществлять фактическое руководство. Однако его приказы румынским войскам должны отдаваться от имени Антонеску. При этом задача «военной миссии» состоит в посредничестве между штабом 11-й армии и Антонеску.

Венгрия не будет посвящена в наши планы. Ей лишь укажут, что сосредоточение русских войск на границе Венгрии требует оборонительных мероприятий с ее стороны.

Словакии также пока что не следует сообщать каких-либо сведений об операции. После начала военных действий командованию будет указано на необходимость привести его войска в полную боевую готовность с целью недопущения вторжения противника в Словакию. (Желательно использование словацких войск на русской границе южнее 17-й армии.)

После обеда фюрер произнес большую политическую речь, в которой мотивировал свое решение выступить против России и обосновал расчеты на то, что разгром России заставит Англию прекратить борьбу.

Начальник генштаба
Ф. Гальдер».

ГАННА ПРОКОПЧУК (IV)

Когда вагон второго класса, в котором ехали «специалисты», пересек границу Германии и «зоны» (именно так называлась оккупированная часть Франции), вошел длинный человек со значком национал-социалистской партии в лацкане серого пиджака, раскрыл папку и приказал — без всяких привычных «битте»:

— Семейные — налево, мужчины — направо, дамы — ко мне.

Он начал выкрикивать фамилии — так же резко и деревянно, и после каждого его выкрика и тихого ответа выкликиваемых возникала тяжелая тишина, и было слышно пыхтение паровозов на путях, и Ганна представила себе, как вырывается тугая струя белого пара, и вспомнила, что в детстве ей казалось, будто именно этими струями паровоз отталкивается от земли, набирая скорость.

Напряженная тишина возникала оттого, что немец долго отмечал в своем списке выкликаемых, делая быстрые, но довольно подробные записки, и Ганна не могла понять, что он так долго пишет: что можно написать, выслушав имя и фамилию человека?

«У них ужасно длинные слова,— успокоила она себя.— Кажется, Марк Твен написал: «Если смотреть на немецкое слово прищурившись, то оно будет похоже на бесконечный рельс». Я, наверное, думаю про их длинные слова потому, что ужасно боюсь. Я трусиха, и мне сейчас невесть какой ужас мерещится. Но тот парижский чиновник был такой милый, в конце концов если что-то будет не так, я напишу ему — он ведь оставил свой адрес. Ничего, потрясусь немного, зато скоро поеду к мальчикам, ничего».

Кончив выкликать специалистов, словно новобранцев на первом построении, немец приказал взять вещи:

— Дальше вы поедете другим поездом.

Их поместили в теплушки с высокими, зарешеченными окнами, и здесь только все поняли, что ждет их не «творчество на любимом поприще», а нечто совсем другое, и тихо стало, так тихо, что, казалось, слышно было, как медленно текли крупные горькие слезы по щекам...

Ганну привезли в городок под Берлином, «отбив», словно теленка в стаде, от остальных специалистов. Поселили ее в маленькой комнате, в деревянном бараке — окна без решеток, умывальник в конце холодного — даже в полуденную жару — коридора, а туалет — на пыльном, без единого деревца дворе.

Жила в этом бараке Ганна одна. Перед тем как выдать ключ, с нее взяли подписку, запрещавшую ей вступать в «половую связь с арийцами и беременеть от иностранцев». Она сначала не могла понять смысла напечатанного, как тогда, в редакции у Богдановича, когда она должна была вслух прочитать статью, чтобы поверить в реальность типографских литер, сложенных в слова и фразы.

Питалась она в архитектурной мастерской, где ей отвели место в отдельной маленькой комнате с большим, светлым окном. На завтрак давали чашку кофе с одним куском сахара, ломоть хлеба и порцию мармелада; немецким архитекторам давали три куска сахара, порцию масла и ломтик сыра. На обед она получала миску супа, сваренного из старых овощей, картофельное пюре, политое соусом; немцы получали мясо. Ужинать ей разрешалось дома: два куска сахара, хлеб и через день пайка масла.

Вскоре Ганна должна была купить новый пояс — прежний не держался на ней. Начальник мастерской герр Эссен, который первое время давал Ганне проектировать узлы непонятных ей длинных зданий, выслушав просьбу женщины, пообещал помочь ей и этим же вечером дал пропуск на выход в город и две синенькие карточки для приобретения «промышленных товаров на сумму пятнадцать марок».

— Деньги будете получать раз в месяц,— сказал он.— Карточки на промышленные товары (его французский язык был чудовищным) для иностранных специалистов мы также выделяем раз в месяц. Продуктов питания вам, вероятно, хватает, так что дополнительные талоны на еду вам не нужны. Карточки на сигареты и спички — вы, я заметил, неравнодушны к табаку — я постараюсь достать для вас.

— Мне обещали в Париже, что я смогу начать поиск моих детей.

— Какие дети? — удивился Эссен.— Мне ничего об этом не известно...

— Мои дети остались в По... В генерал-губернаторстве...

— Ну и что?

— Я согласилась приехать сюда, потому что в Париже господин из военной комендатуры пообещал помочь, если я уеду в Германию.

— Хорошо. Мы запросим Париж. Теперь по поводу работы, фройлейн Прокопчук. Я доволен вашей работой. Я знал ваши проекты еще до войны — они интересны. Сейчас вы упорно облегчаете те конструкции, которые я прошу вас прикинуть, в то время как мы, архитектурная мастерская СС, должны думать не об ажурной и солнечной легкости помещений, а об их прочности и устрашающей мощи.

— Я не умею работать иначе. Я привыкла ловить солнце.

Эссен чуть улыбнулся:

— Мы будем вместе ловить солнце, когда уничтожим врагов рейха. Видимо, стоит показать вам несколько наших объектов, фройлейн Прокопчук. Вы тогда сможете понять, чего мы ждем от вас.

— Когда можно надеяться на ответ из Парижа?

— Я запрошу Париж на этой неделе. Как ваша комната? Не холодна?

— Наоборот, ночью страшная духота, крыша так раскаляется за день...

— Да, необычайно жаркий июнь... Завтра я постараюсь достать для вас разрешение на вход в городской кинотеатр — есть один сеанс, куда можно приходить иностранцам. Только не смотрите тяжелые фильмы, пожалуйста: у вас и так глаза часто бывают припухшими. Плачем? Не можем привыкнуть к новому месту? Ничего, крепитесь. Вам надо приспособиться к новым условиям как можно скорее — это в ваших же интересах.

...В кинотеатре, куда ей действительно выдали пропуск, демонстрировали сентиментальный фильм о немецкой семье: глава семьи увлекается «другой», но «другая», как истинный член НСДАП, не может лишать маленьких арийцев «семьи», и «паппи» постепенно начинает понимать, что лучше «мутти» никого нет, и лучше «другой» — тоже никого нет, и вообще в рейхе живут самые замечательные и добрые люди, мало ли что случается, самое важное ведь итог — никто не нашумел сверх меры, никого не растоптали, все хорошо, все на месте.

...Ганна вышла в сухое тепло улицы и ощутила тошноту после липкой духоты зала, где люди неотрывно следили за происходящим на экране. Некоторые, что постарше, то и дело вытирали глаза. Особенно часто стали вытирать глаза, когда «паппи» пришел в спальню к сыну, и мальчик в ночной рубашке потянулся к отцу, и обнял его шею толстыми, словно перевязанными ручонками.

«Толстой написал это один раз и во имя святого,— подумала Ганна.— Как много к святому пристает грязи и безвкусицы... Я бы тоже должна заплакать, потому что ручки у маленького, как у Никитки, но во мне не было слез, а только ощущение грязи и нечестности.

Добро обязано порождать добро, а здесь зло, слюнявое и жестокое по отношению к свободному человеку. Как трудно жить на этой земле, милостивый боже мой, как трудно... Нет, добро не может рождать зло. Только зло рождает зло. Ты живешь спокойно и счастливо, но тебя незаслуженно обидели, ударили, и ты ответил на удар, и конец спокойствию! Ты должна готовиться к тому, что тебя снова стукнут, и ты загодя думаешь о том, как защитить себя, как стать сильнее и жестче. Непротивление — это попытка создать универсальный рецепт счастья. Один ведь миг: надо пережить обиду, погасить зло, заставить себя не думать о мщении, и жизнь твоя будет попрежнему счастливой. Смири я тогда гордыню, останься в Кракове — мальчики были бы со мной. Но это мое, маленькое добро,— возразила себе Ганна,— а в мире так много зла, которое мне неподвластно: разве бы я смогла спасти Варшаву от бомб? Все устроено так, чтобы зло соседствовало с добром, а добро всегда слабее и беззащитней...»

Она миновала маленькую площадь сонного городка и свернула по аллее, которая вела в лес. Здесь было тихо, и если идти, чуть подавшись вперед, заложив руки за спину, то можно ощутить поднимавшийся от земли запах — точно так же пахло в кабинете электротерапии у доктора Пернье, который лечил хронические простуды сеансами «горного солнца».

«Земля отдает себя солнцу по утрам. Днем она вбирает в себя солнце, а ночью ждет его: платоническая любовь, верно, должна быть именно такой»,— подумала Ганна и замерла — два огромных, испуганных и одновременно любопытных глаза смотрели на нее из-за кустов. Глаза были подвижны и широко, по-детски раскрыты.

— Здравствуй,— шепнула Ганна, чувствуя, как в ней разлилось щемящее, забытое тепло,— не бойся меня, пожалуйста.

Коза сделала прыжок в сторону, но не убежала.

— Ну что ты, дурочка?

Бока у животного странно вздрагивали, словно коза задыхалась от волнения. Ганна поняла, отчего так судорожно вздымались бока козы: в трех шагах от дороги стоял козленок — совсем еще крохотный, на огромных, голенастых ногах.

— Ах ты, маленький,— прошептала Ганна и потянулась к козленку, родившемуся, видно, совсем недавно.

Козленок отскочил от нее боком, словно котенок, остановился, замерев, и снова уставился на женщину синими, молочными глазищами, поводя плюшевым пятачком носа.

И вдруг Ганна услышала лес: она только сейчас могла понять, что та тишина, которая, казалось, окружает ее, на самом деле живет и радуется тому, что живет: свистели дрозды, носились по веткам желтогрудые синицы, стучал дятел.

«Надо было все эти годы брать мальчиков в лес,— подумала Ганна, посмотрев на то место, где еще мгновение назад стоял козленок. Сейчас там колыхалась трава, и не было уже синих глаз и мягкого вздрагивающего носа.— Надо было водить их в зоопарк, любоваться тем, как они завороженно смотрят зверей, и сердце бы сжималось от счастья, и я бы стала очень талантливой, потому что только счастье твоих детей может дать истинное ощущение высокого покоя, а лишь это истинный подступ к творчеству. Пусть бы я делала свое дело дома, пусть бы все мои задумки реализовались потом, пусть бы это реализовали мальчики — ведь настоящее счастье — это когда ты только задумываешь, носишь в себе опасливо, по частям, отдаешь это задуманное ватману... Потом начинается гадость — согласование, подбор металла и мрамора, торговля с поставщиками, доказательство своей правоты заказчику... Мы обкрадываем себя, когда мало бываем с детьми. Надо ходить с ними в театр, гулять в парках, наблюдать, как они строят из песка свои замки. Бабки, которые выводят маленьких, думают о своем, и нет для них чуда в том, как ребенок думает над песчаным замком и как он смотрит на летящую птицу,— старики считают, что они постигли суть жизни, потому что прожили ее. А ведь на самом деле все совсем наоборот: суть жизни лучше всего ощущает новорожденный. Чем мы делаемся взрослее, тем больше мы сужаем мир, ограничиваем самих себя нормами морали, своими страхами, рожденными силой и злом».

Ганна села на пенек, закрыла глаза и подставила лицо солнцу. Мягкое тепло его доверчиво накрыло веки, лоб, губы.

«Наверное, надо меньше двигаться,— подумала она,— я раньше слишком много двигалась, только сейчас, случайно, поняла, что такое ласка солнца. Я всегда торопилась сделать. Нужно ли? Если мы странники, которым позволили ненадолго войти сюда, в этот мир, так, может, лучше ждать конца, наслаждаясь тем, что отпущено?»

Она долго сидела под солнцем, на сосновом пеньке, и в душе у нее было спокойствие, потому что здесь, в тишине леса, она поверила в то, что с прежним все покончено, что теперь она другая, а значит, мальчики будут с ней, ведь все-таки справедливость есть в мире, ведь справедливо было то, что именно она повстречала в лесу новорожденного козленка, а не человека, в руке которого могло быть ружье...

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ЛИЧНОЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ

План беседы с Фохтом был в голове у Штирлица — после работы с архивами в берлинских библиотеках, после встреч с Мельником и Бандерой и после бесед с Дицем, который еще с Загреба затаил против чиновника из розенберговского ведомства тяжелую неприязнь.

Фохт встретил Штирлица подчеркнуто радушно, распахнул створку стеллажа, где за корешками книг был встроен большой буфет, предложил на выбор французский коньяк, шотландские виски и джин, рассеянно попросил мужчину-секретаря приготовить две чашки крепкого кофе и, полуобняв оберштурмбаннфюрера, подвел его к старинному, с высокой спинкой, кожаному креслу.

— На вас не действуют заботы,— сказал Фохт, рассматривая лицо Штирлица.— Я завидую вам. Вы словно бы отлиты из бронзы.

— Я поменяю имя на Цезарь,— пообещал Штирлиц, наблюдая за тем, как Фохт картинно смаковал коньяк.

— Веезенмайер вчера получил новый титул,— сказал Фохт,— теперь, после победы в Хорватии, он «посол для особых поручений». Можете отправить поздравительную телеграмму.

— Непременно. Он способный человек.

— Жаль, что его нет здесь.

— Я думаю, вы достаточно серьезно знаете славянскую проблему, чтобы здесь заменить Веезенмайера.

— Никогда не могу понять, когда вы шутите, а когда говорите правду.

— Шутка тоже может быть правдой. И наоборот.

— Я, знаете ли, прагматик-метафизик, а Веезенмайера отличает дерзость.

— Что-то я не очень вижу разницу между метафизикой и дерзостью.

— Разница очевидна, Штирлиц. Метафизика есть нечто среднее между идеей и творчеством, между страстью и логикой; на мою долю все больше выпадает взвешивать возможности...

— Никому не признавайтесь в этом, Фохт. Никому. Вас тогда сожрут с костями. Если вы определяете свою функцию лишь как человек, оценивающий возможности, тогда вам не позволят высказывать точку зрения. Вы обречете себя на положение вечного советчика. А вам, как и любому нормальному человеку, хочется быть деятелем. Нет?

— Нет,— устало солгал Фохт,— больше всего мне хочется спокойствия, чтобы никто не дергал по пустякам и не мешал делать мое дело... Наше общее дело.

— По-моему, вы очень здорово отладили дело. Судя по моим встречам с Мельником и Бандерой, во всяком случае.

— Вы с профессором Смаль-Стоцким не познакомились?

— Нет. Кто он?

— Он назначен в украинский отдел министерства восточных территорий.

«Он по-прежнему боится своего провала с Дицем в Загребе,— понял Штирлиц, наблюдая за лицом Фохта.— Он очень боится меня и не любит, потому что я один знаю, что именно он виноват в гибели столь нужного нам подполковника Косорича. Поэтому он так доверителен со мной. Он хочет, чтобы я поверил в него: тогда, по его логике, мне будет невыгодно помнить. Мне будет выгоднее забыть».

— Это что-то новое в нашей практике,— сказал Штирлиц.— Впрочем, и министерство-то новое. Славянин — штатный сотрудник? Занятно, нет?

— Смаль-Стоцкий — личность особая, чудовищная, говоря откровенно, личность. Он был министром иностранных дел в правительстве Петлюры и вместе с ним ушел в Польшу. И там стал осведомителем второго отдела польского генерального штаба. Собственно, именно он стоял у колыбели организационных форм украинского национализма в Польше до тех пор, пока Пилсудский помогал националистам, рассчитывая обратить их против Советов. Но когда мы смогли обратить ОУН против Польши, Смаль-Стоцкий встретился с нашими людьми, отдыхая в Мариенбаде. Меня он поражает: эрудиция и при этом хулиганский, если хотите, цинизм. Я ни от кого не слыхал столько гадостей про украинцев, сколько от него.

— И вы ему верите?

— Вопросами доверия у нас занимается гестапо.— Фохт поморщился.— Диц, по-моему, превосходит самого себя,— пустил он пробный шар, не выдержав полной незаинтересованности Штирлица.— Он очень ловко работает с группой Мельника.

— Мельник связан со Стоцким или автономен?

— Они не могут быть связаны друг с другом. Они готовы перегрызть друг другу глотку: не дает спать корона гетмана.

— Булава,— поправил Штирлиц.— Корона — это Европа, у них булава.

— Какая разница? Смаль-Стоцкий как-то изложил мне свое кредо. Человек, говорил он, выше национальной или классовой принадлежности. Человек, если следовать Ницше, средоточие всех ценностей мира. Милосердие должно проявляться в том, чтобы человеку позволяли выявлять себя там, где он может это сделать. Пусть даже в бандитизме, как Бандера. Меня, говорил Смаль, привлекает немецкий рационализм, немецкий дух. Я прошел комиссию — я голубоглаз, строение моего черепа не отличается от арийского, я взираю на украинцев глазами западного человека, который рассматривает этот район лишь как точку приложения стратегических интересов рейха. Без меня, без моей помощи и консультации вам, арийцам, это сделать трудно. Я лучше вас знаю тупость и стадность моего кровного племени. Я знаю, как повернуть их во имя германского блага.

— Как? — спросил Штирлиц.

— Довольно просто... Вы думаете, какой-нибудь чиновник Розенберга не мог бы положить конец сваре между их вождями?

— Мог бы.

— Естественно. Но мы используем их не в одном сегодняшнем дне. Они важны и в будущем. Мы можем играть ими, словно пальчиками детишек — знаете, как это нежно, когда взрослая рука прикладывает пухлый пальчик несмышленыша к белым и черным клавишам и рождается мелодия, угодная нам, в то время как дитя считает, что эта музыка рождена им.

Штирлиц представил себе малыша возле рояля и рядом с ним Фохта. Он увидел это близко и явственно, он услышал скрип высокого, на винте, табурета и даже ощутил запах лака. Жестокая злоба поднялась в нем, злоба, рожденная несовместимостью понятий — Фохт, дитя, музыка, доверчивые немцы, чистота клавишей. Осознание этой причинности вызвало в Штирлице усталость — выносливость человека небезгранична.

— Каковы мои задачи? — спросил Штирлиц для того лишь, чтобы спросить, он боялся потерять над собой контроль.

— Да в общем-то все отлажено, дорогой Штирлиц. Если у вас нет особых интересов, я просил бы вас обговорить с Мельником

Ю. Кугач. Род. 1917. У КОЛЫБЕЛИ. 1975.

М. Богатырев. Род. 1924.
ВЕЛИКОЕ НАЧАЛО. 1974—1975.

формы работы с его людьми в Штатах: в ближайшее время это будет в высшей мере злободневно, думается мне.

— Предполагаете включение Вашингтона в драку?

— Ни в коем случае. Предполагаю давление на Рузвельта. Со всех сторон. В Штатах разворачивают работу контролируемые нами группы китайских, испанских, украинских, русских, ирландских и венгерских националистов — это миллионов пять по крайней мере.

— Не тешьте себя иллюзиями. Если силе противопоставить насилие, победит сила.

— Вы не верите во влияние прогерманских кругов в Штатах?

— Не верю.

— Почему?

— Потому что англофильские влияния там сильнее. И не надо врать себе. Пропаганда пропагандой, а у нас работа, за которую придется отвечать. Нам с вами. Исполнителям.

— Я предлагал вам перспективную проблему,— извиняюще пояснил Фохт.— Мне думалось, что это совпадает с вашими интересами.

— Спасибо. Как размышление для далекого будущего это занятно. А сейчас? В связи с кампанией?

— По нашей линии как будто все в порядке. Мы держим в руках Мельника и Бандеру. И тот и другой отправили к Рундштедту в расположение группы «Юг» своих людей для создания «походных групп» — такого еще не было раньше: вместе с армией двинутся оуновцы, одетые в немецкую форму, которые начнут наводить порядок незамедлительно, с входом в украинский город нашего первого танка.

«Значит, блок Розенберга с армией уже состоялся,— отметил Штирлиц.— Это — новое в раскладе сил. Это против Гиммлера и Бормана. Это важно».

— А ваша задача? Ваш, лично ваш интерес?

Фохт подвинул Штирлицу ящик с сигарами, долго обрезал кончик толстой «гаваны», обстоятельно прикуривал, обнося сухой табак со всех сторон спичкой, пока не затрещало голубоватым, горьким дымком, и лишь потом ответил:

— Вы же не очень верите мне, Штирлиц. Отчего я должен верить вам?

— Как знаете. Я свои дела сделал, сейчас я в вашем распоряжении, а чтобы приносить пользу тому, кому я подчинен, мне надо понять личный интерес каждого. Он ведь у нас неразделим с интересом национальным, нет?

— Конечно, нет.— Фохт принял игру Штирлица. Они понимали друг друга быстро и точно, потому что друг другу не доверяли, и похожи сейчас были на мальчишек, которые балуются, толкаясь плечами, и при этом прыгают на одной ноге.— Думаю, что нашим национальным интересам небезразлично ближайшее будущее; иноземцы, приходившие в Россию, всегда допускали ошибки, вызванные навязыванием своих методов, отрицанием услуг аборигенов-коллаборационистов. Вот я и хочу, чтобы ошибка прошлого не повторилась сейчас, при начале этой великой кампании.

— Разумно,— согласился Штирлиц.— Именно это меня интересовало.

— Наша с вами общая задача, таким образом,— подчеркнул Фохт,— состоит в том, чтобы с первого же дня исключить всякую возможность ошибок.

— Вы сказали «Россия». Оговорились или намеренно не проводите границы между Россией и Украиной?

— Славяне...— Фохт пожал плечами.

— Вы предполагаете организацию власти, подобной режимам Тиссо и Павелича?

— Тиссо мы создали, чтобы успокоить Хорти; Павелич — это кость, брошенная Муссолини. Здесь будет иное образование, чисто вассального порядка.

Именно это и надо было выяснить Штирлицу. Фохт сказал то, чего говорить бы не должен. «Вассальное образование» входило в сферу его личного интереса значительно в большей степени, чем в сферу интересов фюрера. В этом «вассальном образовании» он рассчитывал получить пост, который бы прибавил квадратиков на его погонах и поднял его на следующую ступеньку в нацистской иерархии. Но Фохт не понимал, что в данном случае его личная заинтересованность входила в противоречие с идеей Гитлера, который никогда, ни разу, ни в одном своем выступлении не говорил о возможности создания каких-либо «образований» на территории Советского Союза: только жизненное пространство для немецких колонистов! Никаких поблажек украинцам, белорусам, россиянам — все это материал для ликвидации, депортации, колонизации, не больше.

...Фашистский «идеолог» Альфред Розенберг, имперский министр восточных территорий и шеф международного отдела НСДАП, хотел делом доказать фюреру, что практика его министерства окажется более действенной, чем работа полиции Гиммлера и надзор гауляйтера Коха, ставленника партийной канцелярии Бормана.

«Центр.
Настаиваю на точной дате войны — ночь 22.6.
Юстас».

КУРТ ШТРАММ (V)

— Поймите же, мой дорогой,— все тем же ровным, лишенным каких бы то ни было интонаций голосом продолжал седой штандартенфюрер,— вы обречены на то, чтобы сказать правду. Человек, попав в Карлсбад, если только он не поражен раком, должен выздороветь. Человек, если он любит прекрасную, веселую, умную женщину, должен стать счастливым рогоносцем. Человек, оказавшийся в нашей тюрьме, должен сказать всю правду. Мы учитываем особенности немецкого национального характера, который выверен прагматизмом мышления миллионов наших предков.

Курт закашлялся, подавшись вперед. Тело его сотрясалось, в уголках рта появилась мокрота. («И губы у вас, как у обиженной девушки, и ямочка угадывается на щеке,—улыбалась ему Ингрид Боден-Граузе,— разве таким должен быть настоящий мужчина, мой милый и хороший друг?»)

«Сейчас можно падать,— подумал Курт.— Хотя нет, еще рано. Он ни разу не посмотрел на меня, он все время разглядывает свои ногти, если я сейчас упаду, это может быть естественным. Надо упасть, когда кашель станет особенно затяжным. А про Ингрид я сейчас вспомнил потому, что мне не хватает ее силы и спокойствия, и еще я очень хочу, чтобы она увидала меня сейчас и поняла свою неправоту, когда говорила про мои губы и ямочку на щеке. Господи, а ведь это желание рождено мстительностью, как же не стыдно, а? Ведь я ей мщу, доказывая ее неправоту, а мстительность — самое недостойное качество в человеке...»

— Согласитесь, что я более прав, чем вы,— продолжал штандартенфюрер,— согласитесь, ибо это, увы, логично.

«Нет, мстительность не есть самое недостойное в человеке. Другое дело, что качество это плебейское в такой же мере, как и господское, но не аристократическое. Оно родилось в сознании раба, который имел право отомстить господину за свои унижения. Нет, не имел права. Он мог и обязан был победить господина. Он обязан был добиваться свободы. А свободный человек мстить не может. Карать — да, мстить — нет».

— Немец точнее других понимает скрытую логику мысли и поступка,— монотонно продолжал штандартенфюрер, и Курт лишь урывками воспринимал его слова, когда хотел этого, когда он нуждался в паузе, ибо мозг его был разгорячен, как и тело.

— Немец,— продолжал штандартенфюрер,— как никто другой на земле, понимает первопричину необходимости... Вы невнимательно слушаете меня... А зря. Я даю вам дельные советы, которые к тому же ни к чему вас не обязывают.

«Он не поднял на меня глаз,— отметил Курт, чувствуя, что вот-вот начнется затяжной кашель,— он умеет ощущать, и он может ощутить мое решение, и тогда я погиб».

— В понятие первопричины необходимости я включаю целый ряд компонентов, господин Штрамм. Первый компонент — это тюрьма, а здесь все особое, даже время. Здесь время работает против вас, а не за вас. Второй компонент: рано или поздно вы ощутите свою о с о б о с т ь, весь ужас, сокрытый в невозможности распоряжаться мозгом и телом. Третий компонент: мы не позволим вам сделать какую-нибудь глупость вроде самоубийства или тяжкого телесного членовредительства. Четвертый компонент: чем дальше, тем явственнее вы будете ощущать возможность, которую мы даем вам для того, чтобы вернуться к прежней жизни и привычной деятельности, требуя от вас взамен лишь одно — правду. И наконец, последнее: в тюрьме вы ощущаете свою мелкость. Это особенно страшно, ибо, как правило, люди вашего круга мнят себя личностями недюжинными, крупными, а может быть, таковыми и являются на самом деле. Мы заставляем понять такого рода недюжинного врага его незначительность, выделив ему в следователи человека низшего порядка, который властен задавать вопрос и может — любыми способами — добиться ответа. Пусть даже заведомо лживого ответа. Диалог неравенств приведет к тем результатам, в которых заинтересован я. Понимаете? Тюрьма — это государственный институт особого рода, а допрос — диалог совершенно исключительного порядка. В тюрьме вы, свободный человек, ощущаете свою несвободу совершенно особенным образом: вы соглашаетесь с несвободой, вы принимаете этот факт как данность. Но ведь человек рожден свободным. И это постоянное клокотание разностей сломит вас, подточит изнутри. Вы по прошествии времени потянетесь к следователю, как к родному: вы будете искать в его словах намек, снисхождение, сочувствие; вы будете противиться этому; вы станете ненавидеть себя, когда вас вернут в камеру, вы будете проклинать себя за те слова, которые сорвались у вас с языка, но и на следующий день, а скорее всего через несколько дней — надо дать возможность накопить в душе желание надеяться — вы снова будете говорить, и в потоке лжи я увижу крупицу правды. А потом мы докажем, что вы преступили грань, и вы согласитесь с этим, и за час до казни вы будете желать только одного: увидеть меня, получить от меня утешение, ибо постепенно я стану вашим другом, который сострадает вам и старается понять вашу правду. Мне, впрочем, это действительно крайне необходимо: возможно, ваш опыт поможет нам удержать от аналогичных ошибок десяток других людей.

Кашель собрался. Он был словно комок в легких. Он был желтый, мокрый, горячий. Он вырвался изо рта стоном, воплем, мокротой. Курта било частыми, замирающими судорогами, он мешал себе, задерживал дыхание, хрипел, извивался до тех пор, пока не потемнело в глазах и не стало тяжело и гулко в голове, и тогда он повалился вперед, и седой штандартенфюрер поднял наконец глаза от своих ровных, квадратных розоватых ногтей. Он смотрел на Курта, на его взъерошенный затылок оценивающим, спокойным взглядом, дождался, пока приступ кашля прекратился, а потом, подойдя к арестанту, опустился перед ним на корточки, достал крахмальный платок, вытер потрескавшиеся губы Курта и тихонько сказал:

— У вас плохо с легкими после того случая в горах, да?

Курт, чувствуя нарастающее клокотанье в себе, кивнул головой.

— Если бы не Ингрид Боден-Граузе, вы бы уже тогда погибли, бедный господин Штрамм...

Курт снова кивнул головой.

— Я не слышу вас,— совсем тихо сказал штандартенфюрер.— Вы мне скажите только одно слово: «да» или «нет».

— Да,— ответил Курт.

— Ну вот, а теперь откашляйтесь,— сказал седой и поднялся.— Я налью вам воды, и станем беседовать... О прошлом, только о прошлом.

Курт поднял голову, посмотрел на штандартенфюрера с мольбой, с восхищением, со страданием и прошептал:

— Да.

А потом согнулся пополам от нового приступа кашля.

Продолжение следует.

Цезарь СОЛОДАРЬ,
специальный корреспондент
«Огонька»

ДВОЙНЫЕ

ЛАБИРИНТЫ, ЛАБИРИНТЫ...

В Брюсселе от пожилого и многоопытного репортера я услышал рассказ про то, как на него обиделся шведский коллега.

— Не сочтите это лестью,— сказал ему швед,— но в журналистских кругах вас не без основания считают знатоком сионизма. Вы столько о нем писали, что, безусловно, сможете мне помочь. Я, как вы знаете, в последнее время тоже причастен к сионистской теме, но убей меня бог, если хоть на микродолю способен разобраться в структуре и построении сионистских организаций. Десятки советов, федераций, комитетов, лиг, объединений, обществ, фондов! А кто кого направляет, кто с кем соприкасается, кто о ком информирован — это все для меня полнейшая сумятица! Помогите как коллега коллеге, станьте на несколько минут моим гидом по запутанному лабиринту организационной схемы сионизма, хоть вкратце растолкуйте мне, кто кем руководит и кто кому подчиняется...

— Почему же все-таки шведский коллега обиделся на вас? — недоуменно спросил я репортера.

— Я ему ответил, что ничем, к сожалению, помочь не смогу. Сам, говорю, плаваю и барахтаюсь в нескончаемом потоке названий, платформ, деклараций, уставов, заявлений, манифестов, всяческих ассоциаций, группировок, агентств, филиалов, фракций, регионов сионизма. Но швед решил, что я эгоистично не хочу поделиться с ним своими сведениями об организационной структуре сионизма. И не только обиделся, но и прямо обвинил меня в отсутствии духа коллегиальности... А ведь я сказал ему сущую правду! По-моему, нет на свете журналиста из несионистов, целиком посвященного в тайну их лабиринта...

«В тайну»? Да, в тщательно охраняемую тайну. Вот почему у американского публициста Лоуренса Мошера были все основания подчеркнуть, что «получить серьезную информацию о внутренней деятельности сионистского движения довольно трудно». Эту трудность сионистские руководители усугубляют еще тем, что дают своим органам названия, но никогда не именуют их сионистскими и ни единым словом не упоминают об их истинном назначении. Полистайте сионистскую прессу, сколько нейтральных и невинных названий организаций вы встретите на ее страницах!

Одни подогнаны под рубрику национальных.

Другие принято именовать благотворительными.

Третьи считаются всего-навсего культурными.

Это по названиям. А на деле...

Попробуйте, например, решить такую головоломку. Есть в Вашингтоне «Совет руководителей еврейских организаций в США» — учреждение настолько авторитетное, что его президент Яков Штейн выступает в печати с оценкой почти каждого нового назначения на высокий пост в государственной администрации США. Действительно, «Совет руководителей организаций» — казалось бы, что может быть выше этого? Но сведущие люди посмеиваются над наивными людьми, задающими такой вопрос. Ведь всесильный «Сохнут», скромно именуемый всего только «Еврейским агентством», а фактически полновластно ведающий всей иммиграцией в Израиль, подчинен вовсе не «Совету руководителей», а объединенному еврейскому фонду США «Магбит». Сам генеральный директор «Сохнута» Моше Ривлин отчитывался перед «Магбитом» в том, сколько людей и за какой срок переселено «Сохнутом» в Израиль, и от резолюции по отчету зависит очередная финансовая субсидия «Сохнуту».

Как видите, не столь уж широко популяризуемый сионистами «Магбит» руководит шумным и помпезным «Сохнутом» — учреждением, запустившим свои хваткие щупальца во все страны мира. На недавней сессии правления «Сохнута» были, по сообщениям израильской прессы, представлены 148 его иностранных филиалов и несколько десятков так называемых наблюдателей. Кстати, иностранный аппарат «Сохнута», бросившего все силы на выкачку из социалистических стран, в том числе из Советского Союза, населения для Израиля, все разрастается.

Возвращаясь к сионистским лабиринтам, предлагаю читателю попытаться отгадать, кто над кем стоит — «Объединение ортодоксальных еврейских общин США» над «Фондом призыва совести» или наоборот? Объединение по количеству членов превосходит фонд в несколько десятков раз. Но если учесть, что фонд с патетическим названием возглавляется не кем иным, как нью-йоркским раввином Артуром Шнейером, то можно понять, почему «Фонд призыва совести» призывает в основном не к совести, а к ответу те сионистские организации Америки, которые не выполняют плана сбора пожертвований или других оперативных заданий лидеров сионизма.

Трудно разобраться в сионистской иерархии не только в США, где количество сионистских организаций исчисляется сотнями. Точно так же обстоит дело в Бельгии и Голландии.

Вот на выбор несколько названий:

«Сионистская федерация Бельгии».

«Общество «Счастливое пребывание».

«Бельгийское объединение в защиту Израиля».

«Организация солидарности с Израилем».

«Объединение евреев вокруг Израиля».

«Нидерландский союз сионистов».

«Еврейское молодежное движение Бней Акиба».

«Молодежная организация Егуд габоним».

«Группа Алия в Нидерландах».

«Еврейский национальный фонд».

«Организация защиты еврейского духа».

«Общество друзей Гистадрута» — и такая организация тоже существует в Бельгии.

— А почему мы не можем дружить с израильскими профсоюзами?— запальчиво вопрошают организаторы общества.

О каких же таких профсоюзах идет речь? Отвечу на этот вопрос словами известного шведского экономиста Вильгельма Пауса, специалиста в области промышленности и международных связей — так его характеризует израильская газета «Маарив».

«Профсоюз не может быть одновременно работодателем,— сказал профессор Паус.— Гистадрут не может выполнять основной функции профсоюзов — защищать интересы трудящихся, ибо сидит по обе стороны стола»[1].

По этому высказыванию Пауса, уважительно названного той же «Маарив» сторонником капиталистического способа производства, можно судить, с какими «защитниками» трудящихся израильтян дружат «друзья Гистадрута».

Названия, названия, названия. Вывески, вывески, вывески. Помещения, помещения, помещения.

— Сионизм — движение, а не партия,— довелось мне услышать от сионистов.

Действительно, не партия, а концерн националистических партий. Концерн, как ныне принято, международный, разветвленный, многоступенчатый. И этакая игра в многопартийность помогает сионизму муссировать и подогревать версию о своей массовости, о непрерывном притоке новых членов.

— Если хорошенько подсчитать, то в Бельгии и Голландии больше сионистских организаций, чем самих сионистов. Иногда не хватает для них председателей и президентов,— услышал я в Антверпене шутку, в которой очень большая доля правды. Один только Зусскинд возглавляет минимум четыре организации.

Зачем такой многообразный ассортимент? Прежде всего для того, чтобы создать видимость нарастающей массовости сионистского движения, воздействовать на общественное мнение и правящие круги капиталистических стран бесконечными заявлениями по каждому поводу и без повода и, что очень важно, иметь основания для сбора пожертвований.

Но не только для этого. Обилие советов, комитетов, регионов и т. п. помогает сионизму запутать и дезориентировать его противников и рассредоточить их внимание по многим объектам, а зачастую и отвлечь от основного. В самом деле, кто же занимается в Голландии заманиванием переселенцев в Израиль: «Эмиграционный отдел союза сионистов» или «Группа Алия в Нидерландах»? Судя по названиям, вроде бы обе.

А на деле, поговаривают не без основания, главенствующую роль в переселении играет организация «Бнай Брит». Что же касается общества под идиллическим названием «Счастливое пребывание», то, официально призванное заботиться о быте престарелых, оно гораздо больше заботится о пропаганде двойного гражданства и требует от своих членов неукоснительного выполнения их обязанностей перед государством Израиль. Вполне «двойными» ощущают себя и члены организации «Еврейское социальное образование».

В лабиринтах бельгийского и голландского сионизма необычайно трудно разобраться без путеводителя еще и потому, что в этих странах действует немало филиалов крупнейших американских учреждений сионизма. Достаточно назвать «Джойнт», «Еврейское агентство», «Лигу защиты евреев».

И если сионистские организации Бельгии и Голландии и их печатные органы, как я мог убедиться, не очень склонны к каким бы то ни было контактам с несионистами, то филиалы американских сионистских учреждений совсем уж не разделяют убеждения Антуана де Сент-Экзюпери: «Единственная настоящая роскошь — это роскошь человеческого общения».

Они не могут позволить себе подобной роскоши.

КТО НА КОГО РАБОТАЕТ

Сионисты, проживающие в странах Бенилюкса[2], при всяком удобном и неудобном случае любят в качестве решающего аргумента привести собеседнику ссылку на иерусалимский «Голос Израиля». Чаще, чем на самые распространенные и влиятельные израильские газеты.

Любителей таких ссылок можно понять. Если они и выписывают израильские газеты, то скорее для «марки», чем для чтения — ведь иврит для них, как мы знаем, равнозначен китайской грамоте. А «Голос Израиля» вещает на многих языках, и каждый радиослушатель может выбрать наиболее понятный ему. Кроме того, как

Начало см. «Огонек» №№ 39, 43.

[1] Гистадрут владеет значительным количеством промышленных, строительных и др. предприятий (многие с участием частного капитала).— **Ц. С.**

[2] Не удивляйтесь, я не случайно упоминаю и Люксембург, где вроде бы отсутствуют сионистские организации. Но там подвизается антикоммунистический так называемый «Международный комитет информации и социальных действий». А раз антикоммунистический, то он сразу же стал союзником бельгийских и голландских сионистов. И, конечно же, объектом их субсидий.— **Ц. С.**

мне довелось слышать в голландском городе Эйндховене от деловых людей, «радио ориентирует короче».

И, дорожа временем, сионисты Бельгии и Голландии немалую толику пожертвований адресуют непосредственно на укрепление иерусалимской радиостанции.

Но вот когда в некоторых бельгийских и голландских газетах и журналах просионистского толка промелькнули сравнения «Голоса Израиля» с пресловутой «Свободой», удивились даже самые бывалые газетные «волки» этих стран.

Ведь они помнят, как гневно встретила общественность Нидерландов сообщение, что американские хозяева клеветнической «Свободы» намереваются перевести ее из Мюнхена в Гаагу. Это было, когда в ФРГ все чаще и громче зазвучали голоса протеста против пребывания радиофабрики антисоветских «уток» в Баварии, и ЦРУ пришлось всерьез подумать о подыскании своему детищу нового затененного места под солнцем. И некоторым голландским газетам пришлось успокоить своих читателей, срочно заверив их, что в Гааге жилплощади для «Свободы» не найдется.

Меня, однако, не так уж удивило лестное, с сионистской точки зрения, желание провести аналогию между «Голосом Израиля» и «Свободой». Сразу припомнилось кое-что из того, чему я был свидетелем в Мюнхене в дни Олимпиады 1972 года и что к спортивным соревнованиям никакого отношения не имело.

Три советских писателя, представлявшие три наших издания на XX Олимпийских играх, попытались тогда посетить радиостанцию «Свобода». Мы знали, что окопавшиеся там матерые антисоветчики не жалуют нежданных и любопытствующих посетителей, особенно из нашей страны. Тем не менее направились в дом на Арабеллаштрассе, 18.

В вестибюль, напоминавший контрольно-пропускной пункт на тщательно охраняемой границе, спустилась к нам немолодая дама. Очень вежливо и даже в извинительной тональности она известила нас:

— Экскурсий мы не практикуем. А беседовать с вами сейчас абсолютно некому: все редакторы и комментаторы, с которыми вам было бы интересно побеседовать, на все время Олимпиады заняты исключительно спортивными состязаниями.

Это звучало смешно, если учесть, что спортивную информацию на спортивно-олимпийские темы «Свобода» укладывала в одну-полторы минуты вещания.

Но по-своему дама была права: как наемники ЦРУ, работники «Свободы» не вправе были упустить столь удобной возможности потолкаться среди сотен советских людей — участников и гостей Олимпиады. И хотя хозяевам радиостанции удалось всеми правдами и неправдами аккредитовать при олимпийском пресс-центре только четырех «спортивных» корреспондентов, множество агентов «Свободы» непрестанно шныряло и на стадионах и во всех уголках олимпийской деревни — всюду, где можно было натолкнуться на советских граждан. Особенно рьяно «сопровождали» они юных гостей Олимпиады — туристские группы нашего «Спутника». Прикидываясь коллекционерами значков, старались втянуть наших ребят в «дискуссии».

Характерно, что одной из гвоздевых тем этих безнадежно проваливавшихся дискуссий был «еврейский вопрос». У молодого лазутчика «Свободы», представлявшегося сыном коренного кубинца, был такой излюбленный «первый ход»: он громогласно удивлялся, как это в приехавшую на Олимпиаду группу советских мастеров искусства включили композитора Яна Френкеля — ведь он же, дескать, еврей.

В олимпийском пресс-центре тоже постоянно вертелись два-три типа, обменивавшиеся между собой фразами по-русски, но от нас старательно это скрывавшие. Здесь им, естественно, делать было нечего — в телетайпах и даже в телефонах у них надобности не было, ведь до логова «Свободы» всего несколько километров.

Итак, на радиостанцию нас не пустили. Не спеша отходя от дома на Арабеллаштрассе, мы увидели, как из подъехавшего «фольксвагена» выскочили израильские корреспонденты Кац и Розенбаум. Уверенно, хозяйским шагом вошли они в цитадель радиолжи.

Через несколько дней я напомнил этот случай Кацу, которого до того встречал на предыдущих Олимпиадах и мировых чемпионатах. Он так объяснил мне свой визит в «Свободу»:

— Наш «Голос Израиля» пользуется техникой «Свободы».

Нет, не только техникой, а идеологией и методологией этого детища ЦРУ широко пользуется «Голос Израиля»! И даже обменивается с ним материалами. Приведу такой факт.

Я уже рассказывал в «Огоньке»[3], как в дни Олимпиады близ Мюнхена, на лагерной площади в Дахау, где гитлеровцы замучили в каторжном застенке сотни тысяч узников, в том числе евреев, была сделана открытая попытка сорвать интернациональный траурный митинг молодых олимпийцев. Мне, одному из корреспондентов «Советского спорта» на Олимпиаде, довелось писать об этой гнусной провокации. Журналисты задали вопрос представителям властей: с кем же сблокировались, осуществляя эту провокацию, баварские сионисты и прибывшее к ним подкрепление? И мы узнали, что сионистам тогда охотно помогли неонацисты из профашистских западногерманских группировок и остатки украинского националистического отребья, прославляющие имена Петлюры и Бандеры.

«Голос Израиля» тоже проинформировал своих радиослушателей об «инциденте в Дахау». И текст сообщения совпал с тем, что передала «Свобода». Слово в слово! Не установлено только одно: то ли иерусалимский корреспондент работал на своих мюнхенских друзей, то ли «Свобода» поспешила позаботиться о «Голосе Израиля». В обоих вариантах налицо творческое содружество и трогательная взаимопомощь.

Успешно осваивая опыт «Свободы», ее младший иерусалимский брат не выпускает из поля зрения ни одного международного спортивного соревнования, где обычно собирается много молодежи.

Ну, зачем, скажем, упомянутый Кац приезжал в Гренобль на зимнюю Олимпиаду? Ведь Израиль не был представлен на зимних Олимпийских играх ни одним спортсменом. Ведь ни один вид зимнего спорта не имеет никакого распространения в самом Израиле.

Зачем же все-таки туда пожаловал специальный корреспондент «Голоса Израиля»? Затем, чтобы со значком «Пресса» на лацкане пиджака вертеться вокруг спортсменов, судей и журналистов еврейской национальности, заводить с ними разговоры, назойливо приглашать в рестораны с национальной кухней. А там выудить хоть косвенно, хоть самое отдаленное подтверждение клеветнической сплетне о популярном советском писателе, актере, режиссере. И, главное, активно участвовать в устройстве «дружеских встреч спортсменов-евреев» из разных стран.

Такие встречи с треском проваливаются. Одна за другой.

Раздосадованные серией провалов, «Голос Израиля» и ведущие сионистские газеты Израиля решили заблаговременно готовить их на широкую ногу. Начали с Мехико, куда на Олимпиаду заранее прибыла основательная группа корреспондентов во главе с видным сионистским журналистом Александри, редактировавшим тогда тель-авивскую спортивную газету.

Он знает русский язык. Это явно сказалось на пламенном тексте приглашений, обнаруженных советскими олимпийцами у себя под подушками. Помню, знаменитый наш пловец Семен Белиц-Гейман, заразительно хохоча, показал писателю Льву Кассилю и мне постоянный бесплатный абонемент на ужины в ресторане «Тель-Авив». Заманчивые слова «кошерная пища» были выделены жирным шрифтом и обрамлены восклицательными знаками.

Ах, как рассчитывал господин Александри на вечерние огни шикарного ресторана вблизи самого фешенебельного отеля «Мари-Исабель»! И на чары пикантных представительниц самой древней профессии, абонированных на целый вечер устроителями «встречи». И на моднейшие автомобили, предоставленные в распоряжение тель-авивских журналистов маккабистским спортклубом в Мехико. Клуб этот опекают богатейшие сионисты Мехико, вроде фабриканта Хулиана Ласки, так что стесняться в расходах не пришлось. Рьяно помогал израильскому редактору американский сионист Лео Гольдстайн, прибывший на Олимпиаду под маркой футбольного судьи. Подкатывался к нашим спортсменам он с неизменным возгласом:

— Люблю Льва Яшина!

И тут же пытался всучить приглашение.

Однако и в Мехико «дружеская встреча евреев-спортсменов» тоже провалилась. Об олимпийцах из социалистических стран и говорить не приходится: никто из них не пришел ни в ресторан «Тель-Авив», ни в сионистский спортивный комплекс. Единичные же спортсмены из других стран ограничились коротким ужином в ресторане. Когда же дело дошло до «дискуссии», они сослались на спортивный режим и тут же уехали. Всем журналистам, аккредитованным в олимпийском пресс-центре, это стало известно. В некоторых мексиканских газетах промелькнули короткие заметки на эту тему. Просионистские издания промолчали.

А сотрудники «Голоса Израиля» поступили так, как поступили бы, конечно, их наставники. Радиобрехуны известили об «оживленной дискуссии» на этой международной встрече, куда «тайком» прибыли многочисленные спортсмены социалистических стран. Устами мифических ораторов авторы этой очередной радиоутки выражали надежду на то, что на следующей Олимпиаде в Мюнхене очередная «дружеская встреча» пройдет еще многолюдней, еще активней. Кстати, наученные горьким мексиканским опытом, сионисты и не пытались в Мюнхене организовать «встречу».

В ЭФИРЕ ВОСПЕВАЕТСЯ ДВОЕДУШИЕ

Как видите, «Голос Израиля» орудует в духе лучших традиций «Свободы». Недаром все крепнут его контакты со «старшей сестрой».

В этих контактах за последнее время вырос удельный вес иерусалимского младшего брата. Он, например, во все нарастающих масштабах поставляет «Свободе» информацию о социалистических странах, выкачиваемую из переехавших в Израиль бывших граждан этих стран. Покупатели подобной информации услужливо не замечают, как один и тот же голос на пленке сегодня принадлежит «пражскому экономисту» завтра «ленинградскому врачу», послезавтра «лодзинскому инженеру».

Приобретая такой товар, «Свобода» проявляет особенно большой спрос на клеветнические откровения о «национальной розни» народов социалистических стран, ведь «Свободе» приходится ежедневно на одних только двадцати двух языках советских народов выдавать свою продукцию в течение трехсот семидесяти пяти часов! Многие олим и не подозревают, что от их имени выпекаются клеветнические выдумки о странах, откуда они выехали в Израиль.

Если «Голос Израиля» оповещает о «сенсации», «Свобода» немедля заимствует ее для своих передач. В качестве примера приведем такое сообщение иерусалимского радио: «На конкурсе поцелуев в США победила еврейская пара — Скотт Сандлер и Лиз Шапиро». Далее следовали «оглушительные» подробности: поцелуй длился 35 секунд и дал лучшие результаты по пяти показателям — красоте объятий, положению губ, владению дыханием, изобретательности, сексапильности.

Сенсация, правда, не политическая, но мюнхенские радиопираты сочли, что и она в какой-то степени возвеличивает Израиль.

Развивается и обмен кадрами между «Свободой» и «Голосом Израиля». Вот характерный пример.

Некий Гарри Табачник некогда был сотрудником эстрадных программ Московского радио. Пронырливый Гарри неоднократно уличался в настойчивом выманивании старого тряпья с иностранными фабричными марками у зарубежных эстрадных гастролеров. Переехав в Израиль, Гарри в избытке снабжал своими «новеллами из советской жизни» израильских радиодельцов. За эти творения он был превращен сионистской пропагандой в крупного писателя и даже назначен членом руководства субсидируемого «Сохнутом» израильского объединения «русских писателей». Но способность новоиспеченного писателя сочинять антисоветские небылицы прельстила хозяев Табачника гораздо больше, чем его «художественные» произведения. И потому этот новеллист был переуступлен «Свободе», направившей его одним из своих корреспондентов в Вашингтон.

Мюнхен не остается в долгу перед Иерусалимом. Например, заправилы «Свободы» милостиво разрешили своему сотруднику, изменнику родины Финкельштейну, засоряющему эфир под именами Владимирова и Зайцева, поставлять свои писания непосредственно Иерусалиму.

В Голландии я встретился с супругами Айзманс, пожилыми людьми, на чьих глазах рождался «Голос Израиля». Они тогда наивно верили в чистоту и благородство задач этой радиостанции и даже посильно помогали ее становлению. Но сейчас один из бывших редакторов «Голоса Израиля» первого поколения, работающий над книгой о борьбе голландского Сопротивления за спасение евреев, так характеризует роль передач израильского радио на политические темы:

— Создается впечатление, что «Голосу

[3] «Бывшие», «Огонек» № 15, 1974 г.

ВЕНГРИЯ АПЛОДИРУЕТ

«На экране — Дни советской культуры» — недавно этот титр регулярно появлялся в передачах венгерского телевидения. Те, кто сидел у голубых экранов, завидовали счастливцам, доставшим билеты на спектакли и концерты, проходившие в течение десяти дней по всей Венгрии.

Среди гостей были московский театр «Современник», оркестр Ленинградской филармонии под управлением Ю. Темирканова, вокалисты М. Биешу, Е. Образцова, Ю. Мазурок, А. Ведерников, В. Норейка, солисты балета В. Васильев и Л. Семеняка, пианист В. Крайнев и другие известные советские исполнители.

Государственный секретарь министерства культуры ВНР Ф. Мольнар, выступая на открытии Дней советской культуры, выразил уверенность, что это мероприятие будет способствовать упрочению связей деятелей искусств Советского Союза и Венгрии.

«Замечательное событие,— восторженно говорила мне после концерта советских артистов преподавательница будапештской гимназии Жужа Валло — Высокая музыкальная культура, яркие таланты, встреча с которыми — памятный праздник для всех венгерских любителей музыки».

В крупнейших выставочных залах Будапешта появились шедевры из советских музеев, была открыта также выставка «Советский Союз в фотографиях ТАСС». Прошла Неделя советской книги и грампластинки; состоялись премьеры советских фильмов «Калина красная» и «Они сражались за Родину». Выставки и концерты проходили в каждом населенном пункте Венгрии, на каждом предприятии. Многие театры подготовили премьеры советских пьес. Зрители увидели «Оптимистическую трагедию», спектакли по мотивам рассказов Михаила Шолохова.

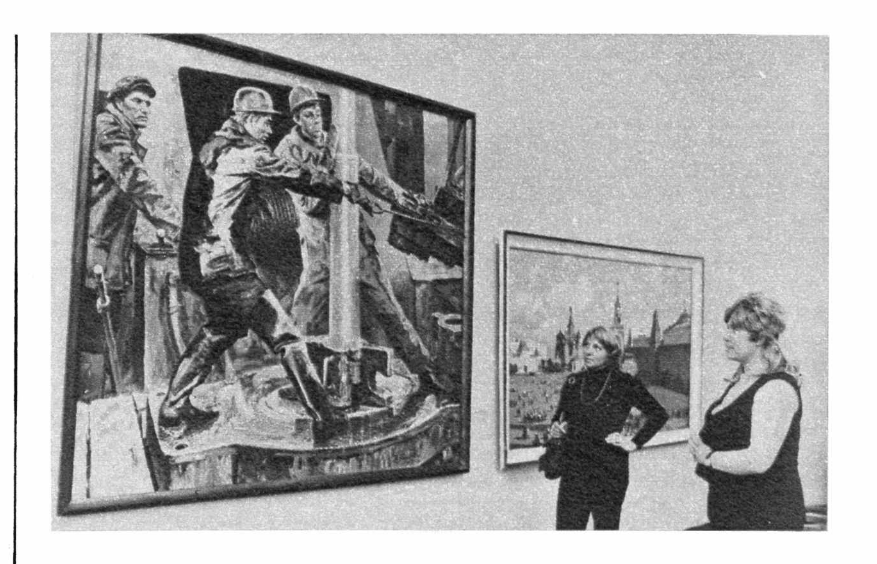
В Будапештском детском театре имени Б. Бартока была показана музыкальная пьеса Н. Сац и В. Полякова «Волшебная музыка», поставленная известной деятельницей советского детского театра Н. Сац.

«Успех постановки превзошел все наши ожидания,— говорит известный венгерский режиссер Иштван Казан.— Радость будапештских малышей доказала еще раз, что искусство не знает границ».

Поистине праздником братских культур стали Дни советской культуры в Венгрии. Выдающийся советский композитор А. И. Хачатурян, также побывавший в эти дни в Венгрии, сказал: «Вот уже три десятилетия культурное сотрудничество помогает нашим народам лучше узнать друг друга, глубже понять смысл тех великих перемен, которые несет человечеству мир социализма».

Б. ШЕСТАКОВ,
корреспондент ТАСС,
специально для «Огонька».

Будапешт.

ХУДОЖНИКИ РОССИИ

В Центральном выставочном зале Москвы открыта пятая республиканская художественная выставка «Советская Россия». Ей предшествовали зональные смотры в городах Иванове, Вологде, Владивостоке, Горьком, Уфе, Орджоникидзе, Орле, Томске, Москве и Ленинграде. Лучшие работы и составили основу этой экспозиции, девиз которой «Наш современник».

Готовясь к выставке, художники объединялись в творческие группы, постоянно работающие на крупнейших предприятиях и стройках страны. Главная особенность экспозиции, открывшейся в преддверии XXV съезда КПСС,— многочисленные работы, посвященные нашим современникам. Сердечно и просто рассказывают о них произведения живописи, скульптуры, графики. Увиденная глазами художников разных поколений, разных творческих индивидуальностей, современная действительность предстает перед зрителем в самых разных проявлениях. Это рассказ о сегодняшней жизни нашей страны, о ее людях.

На снимке: в зале выставки.
Фото В. ЧЕРЕДИНЦЕВА (ТАСС)

Израиля» отведена роль дирижера, чьей палочке подвластны все сионистские средства массовой информации во всем мире. Возьмем, к примеру, второй этап Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Стоило только иерусалимскому радио дать очередную язвительную запевку насчет безнадежности и бесперспективности работы координационного комитета, как ее тут же подхватывали сионистские газеты во всех странах. Одни и те же фразы, одни и те же доводы!

ПЕРЕД ОПАСНОСТЬЮ... МИРА

Свой интересный анализ политических передач израильского радио Айзманс закончил так:

— В последних войнах агрессоры наряду со всеми смертоносными видами оружия широко применяли и оружие лжи. По этому поводу говорят: «Когда начинается война, первой жертвой становится правда». Что же касается сионистского радиовещания, то для него правда — перманентная жертва. В значительной степени оттого, наверно, что Израиль перманентно находится в состоянии войны. Особенно старается «Голос Израиля» в двух направлениях — антикоммунистическом и антимирном. Не удивляйтесь термину «антимирный», он в данном случае очень точный. Сионистские радиопередачи настолько милитаристичны, что их девизом смело можно было бы взять поговорку, пущенную геббельсовской пропагандой во время второй мировой войны: «Радуйтесь войне, ибо мир будет страшным». К счастью, прогрессивные израильские круги начинают сознавать, к чему может привести такая пропаганда по радио, со страниц газет, в публичных выступлениях самых реакционных сионистских идеологов типа Бегина[4]. И не случайно появилось несколько трезвых книг израильских авторов, пытающихся образумить сторонников милитаристского угара. Я бы порекомендовал вам познакомиться с книгой Марка Хиллеля. Она попадает точно в цель уже одним своим названием — «Израиль перед опасностью мира». Опасность мира — вдумайтесь в эти слова!

— Просионистскую критику таких книг,— спросил я,— вам читать не приходилось?

— Приходилось. Главный критический аргумент был один: авторы — антисемиты!

Любителям приклеивать без разбора ярлычок «антисемита» скоро станет еще легче работать: под свою клеветническую практику они смогут подвести «научно-теоретическую» базу. Дело в том, что житель Майами-Бич мистер Бен Левин, именуемый израильской прессой известным американским филантропом, пожертвовал организации «Бнай Брит» 100 тысяч долларов специально для финансирования конкурса на лучшее исследование о международном антисемитизме в современном мире. Премию завоевали Беньямин Эпштейн и Арнольд Форстер. На двухстах с лишним страницах «лауреаты» доказывают, что современное общество в странах, где есть еврейское национальное меньшинство, никак не может существовать без антисемитизма и поэтому у евреев всего мира единственный выход — переселение в Израиль.

Очевидно, всех, кроме... филантропа Бена Левина. Судя по размеру учрежденной им премии, ему в Америке живется безбедно, и, когда зайдет речь о всемирной алии в Израиль, он по примеру предусмотрительной американской дамы скажет: «Только без меня!»

Премированное исследование, вероятно, вдохновит бнайбритовцев на новую волну «заочного нажима». Так называется широко применяемый сионистами прием, когда они хотят заставить намеченную жертву переехать из своей страны в Израиль. Человеку регулярно звонят по телефону и, сдабривая речь отборнейшими антисемитскими ругательствами, угрожают расправой, если он не покинет своей страны. На малодушных людей, как показал печальный опыт, такие дешевые провокации действуют.

Человек переселяется в Израиль и уже только там иногда узнает, что его, простофилю, «разыграли». Чтобы утешить спровоцированного, ему предлагают назвать кандидатуры новых жертв, созревших, по его мнению, для «заочного нажима».

А маккабисты предпочитают телефону подметные письма от имени мифических антиеврейских организаций. Так маккабисты действуют не только в странах Бенилюкса, но и в Италии, Англии, Аргентине, да и, пожалуй, всюду, где живут евреи.

Это далеко не единственные приемы из сионистского арсенала, нацеленные на искусственное разжигание «мирового антисемитизма». Арсенал неновый, если вспомнить заветную мечту Бен-Гуриона о «глобальной провокации».

«Я не постыжусь признаться,— сказал израильский премьер еще в 1952 году,— что если бы у меня была не только воля, но и власть, я бы подобрал группу сильных молодых людей — умных, скромных, преданных нашим идеям и горящих желанием помочь возвращению евреев — и послал бы их в те страны, где евреи погрязли в грешном самоудовлетворении. Задача этих молодых людей состояла бы в том, чтобы замаскироваться под неевреев и, действуя методами грубого антисемитизма, ПРЕСЛЕДОВАТЬ[5] этих евреев антисемитскими лозунгами. Я могу ручаться, что результаты с точки зрения значительного притока иммигрантов из этих стран были бы в десять тысяч раз бо́льшими, чем результаты, которых добились тысячи эмиссаров чтением бесполезных проповедей».

Что ж, первую часть бен-гурионовской мечты последовательно осуществляет сегодняшний международный сионизм: недостатка в приемах провокационного разжигания антисемитизма нет. Вот с плодами провокаций дело обстоит значительно хуже: люди, поддавшиеся сионистским провокациям, быстро прозревают в Израиле и бегут оттуда. Даже по официальным данным, кривая реэмиграции из Израиля четвертый год подряд резко ползет вверх.

---

[4] Мой собеседник имеет в виду руководителя наиболее реакционной сионистской партии «Херут» Менахема Бегина, в свое время воскликнувшего: «Мы ищем еврейского Муссолини. Помогите нам найти его!» Что ж, «Херуту», члены которого чванливо именуют себя «пионерами» в борьбе против социализма, марксизма и коммунизма», действительно, пожалуй, не хватает только вождя типа Муссолини! — **Ц. С.**

[5] Подчеркивание сделано нью-йоркской еврейской газетой «Кемпер».— **Ц. С.**

Записки вратаря

Лев ЯШИН

5

ВРЕМЯ НОВЫХ НАДЕЖД

Немного, совсем чуть-чуть, не удалось дотянуть мне до четвертьвекового юбилея — всего двух лет. Что и говорить, по меркам спортивным стаж не просто большой, огромный. А ведь и начал я не рано; в команде мастеров появился в 20 лет. Из известных мне футболистов дольше задержался на поле, пожалуй, лишь англичанин Стенли Мэтьюз.

Четверть века в футболе — это несколько поколений. Моими партнерами в сборной и в московском «Динамо» были даже не отцы и дети, а дедушки и внуки. Когда правый крайний знаменитого послевоенного «Динамо» Василий Трофимов, будучи в расцвете славы, забивал мне на тренировках голы, другой крайний, правда, левый, впоследствии игравший со мной в «Динамо» и в сборной,— Геннадий Еврюжихин только учился ходить.

Мое поколение вышло на поле в те годы, когда после неудачи на Олимпиаде 1952 года советский футбол начинал подниматься, а затем добился серьезных успехов. Вместе со своими друзьями я совершал круг почета на парижском стадионе «Коломб», когда команда СССР выиграла Кубок Европы 1960 года. Шесть лет спустя, снова как футболист сборной страны, но уже почти полностью сменившей состав, получал бронзовую медаль на первенстве мира 1966 года. Застал я и более печальные времена, времена отступления, когда в течение нескольких сезонов подряд не удавалось сборной СССР закрепляться на первых местах ни в европейских первенствах, ни в мировых и олимпийских чемпионатах, а клубным командам в континентальных турнирах.

Как изменился рисунок игры за десять лет! Ворота, которые я защищал в пятидесятые годы, атаковали пять форвардов, а подступы к ним обороняли три защитника. Затем и тех и других стало по четыре. Потом число нападающих уменьшилось до трех, а в некоторых командах — и отнюдь не слабых — даже до двух. Исчезли инсайды и появились правый и левый центральные защитники. На моих глазах один из крайних форвардов уступил место на поле «опорному» полузащитнику. Менялись моды на «бразильскую систему», «каттеначио», «оборонительный» футбол, а затем и футбол «тотальный». На моих глазах вместе с тактикой менялась техническая оснастка игры и принципы физической подготовки игроков. Да не перечислишь всех реформ, которые претерпел футбол за эти бурные четверть века. И удивляться тут нечему: футбол — часть нашей жизни, а мы живем в век стремительный, в век, когда «покой нам только снится».

Но читатель, должно быть, заметил, что я почти не касаюсь в своих записках специальных, чисто футбольных проблем. Естественно, как любой футболист, я не оставался безразличен к тактическим схемам. Они отражались на моей игре, каждый раз заставляли искать свое место в воротах. Однако, как я уже говорил, я не отношу себя к числу стратегов и теоретиков, а потому не хочу вторгаться в ту область, которая волнует наших футбольных эрудитов. И потом, должен честно признаться, при всем моем глубоком уважении к разным теориям игры, к вопросам тактики и методики, отдавая им дань, как важному средству прогресса футбола, я все же считаю: в первую очередь футбол — это люди.

Сначала люди, а после уже все остальное.

И когда я думаю о наших успехах и неудачах, о победах и поражениях, которые в разное время и с разной силой обрушивались на нашу команду, я вижу за всем этим не пороки или преимущества схем, выражаемых абстрактными цифровыми величинами «4—2—4» и «4—2—2», а раньше всего людей, претворявших в жизнь эти схемы. Вижу моих товарищей по команде. Когда мы были сильны духом, когда верили друг в друга и в себя, когда не хотели мириться с неудачами и отдавать себя на милость фортуны, тогда были победы, медали, круги почета на крупнейших турнирах. Когда же характер нам изменял, когда таяла сила духа, когда внутренне признавали мы чужое превосходство, когда спокойно относились к возможности поражений, тогда и наступали спады.

Я не раз произносил это слово — «судьба». Если на свою личную я пожаловаться не могу — она свела меня с футболом и уже тем самым помогла прожить интересную, а потому счастливую жизнь,— то как у игрока сборной СССР у меня к ней большой счет. Она не раз вставала на нашем пути, и многого из того, что было по плечу команде, сделать нам не удалось.

И все-таки в 1956 году мы стали олимпийскими чемпионами, в 1960-м — обладателями Кубка Европы и в 1966-м — бронзовыми призерами первенства мира. И одерживали верх над сборными ведущих по тем временам футбольных держав мира — ФРГ, Венгрии, Англии, Италии, Югославии, Аргентины... И в самых разнообразных классификационных списках, которые ведут спортивные газеты и журналы многих стран, постоянно находились на первых местах.

Оригинальность тактических построений? Превосходство в технике? Но ни тем, ни другим мы не выделялись среди лучших команд мира. Тогда что же? Я отвечаю на этот вопрос без колебаний: люди!

Я рассказывал о своих друзьях и партнерах по мельбурнской Олимпиаде и по первому для нашего футбола чемпионату мира — шведскому. Их ближайшие преемники принесли нашему футболу первую в его истории большую победу в соревновании с участием сильнейших профессионалов Старого света — Кубок Европы. И вот видим мы теперь их во главе тех команд, которым отдали они лучшие футбольные годы,— Валентина Иванова, Гиви Чохели, Валентина Бубукина, Игоря Нетто, Анатолия Исаева. А Виктор Понедельник, наш центральный нападающий, футболист тонкий, умный, ищущий, стал крупным футбольным журналистом и занял пост «футбольного президента» республики.

Конечно, были и потери. Убежден, что недосчитались мы полезнейшего в футболе человека — Валерия Воронина, из которого могбы вырасти большой тренер. Все предвещало ему такое будущее — глубокое понимание футбола, ум, такт, высочайшее мастерство игрока. Но, видно, мало владеть качествами, которые выделяют человека на футбольном поле. Футбол так уж устроен, что ставит своих избранников в исключительное положение: их портреты не сходят со страниц газет, о них пишут хвалебные оды. И это испытание славой иногда оказывается роковым.

Не один Воронин его не выдержал. Чуть раньше это случилось с Эдуардом Стрельцовым, чуть позже — с Игорем Численко, чей опыт яркого, ни на кого не похожего, самобытного игрока тоже бы пригодился нашему сегодняшнему футболу. Да, потери есть, но типичной для начала шестидесятых годов мне представляется судьба тех, кого я перечислил вначале. И вот что, мне кажется, важно: к середине семидесятых они, герои прошлого десятилетия, созре-

1971 год. Прощальный матч Льва Яшина. Муртаз Хурцилава и Владимир Пильгуй уносят его с поля.

Фото А. Бочинина

Окончание. См. «Огонек» №№ 41, 43, 44, 45.

ли и набрали силу на тренерском поприще. И это, помимо прочего, вселяет в меня надежду на то, что скоро придут к нашему футболу хорошие времена.

Между парижским «Коломбом» и лондонским «Уэмбли» — дистанция длиною в шесть лет. На английском чемпионате мы были в одном шаге от финала. Мы и сделали бы, не сомневаюсь, этот шаг, если б нам не помешала судейская несправедливость. У себя в групповом турнире мы обыграли всех, в том числе и итальянцев, фаворитов чемпионата, команду, в которой были такие знаменитости, как Факетти, Мацола, Ривера. В четвертьфинале — победа над венгерской сборной, тоже фаворитом, чью линию атаки возглавляли Альберт и Тихи. В полуфинале, на лондонском «Уэмбли», мы встретились с командой ФРГ. Судьба этого матча решилась так. В середине игры немецкий полузащитник запрещенным приемом сбил с ног Игоря Численко, отобрал у него мяч и отправил его в нашу штрафную площадь, после чего он и был забит в мои ворота. Обескураженный случившимся, Численко дал волю гневу и, вскочив на ноги, ответил обидчику ударом на удар. На поступок немецкого футболиста судья не реагировал, нашего же удалил с поля. Мы остались вдесятером и не сумели сравнять счет.

Но до полуфинала-то мы дошли! И бронзовые медали завоевали! И, главное, ни в одной игре — проигранной ли, выигранной — ни в чем не уступали соперникам, в том числе и тем, кто в итоговой таблице встал выше нас.

За шесть лет, что пролегли между Парижем и Лондоном, наша сборная обновилась почти полностью. Из «парижан» осталось всего трое — Слава Метревели, Валерий Воронин да я. Что же роднило, что объединяло представителей «новой волны», во всем очень разных, во всем так непохожих друг на друга? Что добавили они к тому, что знали и умели их предшественники? А может, что-то и потеряли из полученного наследства? Да нет, не потеряли. Они сохранили твердость духа своих предшественников, и умение не пасовать перед трудностями, и принесенную теми в футбол общую культуру. Ушли же они вперед, на мой взгляд, по своей, я бы сказал, чисто футбольной, специальной эрудиции.

На английском чемпионате мы имели команду хорошо подобранных, гармонично развитых мастеров. Такими были и наш капитан Альберт Шестернев, и «старички» Воронин и Метревели, и игроки помоложе — Численко, Иосиф Сабо, Эдуард Маркаров, Галимзян Хусаинов, Анатолий Банишевский, Муртаз Хурцилава. Их можно было без натяжки приравнять к профессионалам самого высокого класса. А потом мы вступили в полосу неудач, хотя, казалось, ничто не предвещало невзгод нашему футболу. На европейской и на мировой арене мы, быть может, не так резво, как хотелось бы, поднимались вверх со ступени на ступень, но все же поднимались. Шла обычной чередой и наша внутренняя футбольная жизнь — футбол рос вширь, вовлекая в свою орбиту новые области и города, расширяя до невиданных прежде размеров класс «А», увеличивая число детских и юношеских команд.

Мы шли вперед и тем не менее не приближались к тем, кто был впереди нас. Наоборот, мы не удержались даже на той дистанции, что нас отделяла от них. И нас стали обходить еще недавно державшиеся от нас на почтительном отдалении команды. И мы вдруг увидели, что сборные Польши, Голландии, ГДР, Югославии играют в более современный футбол, чем мы. И что выбор игроков у них больший, чем у нас. И техника выше. И в атлетической подготовленности, которая считалась всегда нашим традиционным достоинством, они нас по крайней мере догнали.

Как же так: «все шло», «все катилось» — и вдруг?..

В том-то и беда, что все шло, все катилось само собою, не направляемое толковым, знающим руководством. Если же и были кое-какие реформы, то предлагались и осуществлялись они людьми, знающими футбол поверхностно. Ведь многие считают, что в футболе и его нуждах могут разбираться все.

И вот класс «А» разросся у нас до гигантских размеров — в нем около полутора сотен команд, а игроков, чтобы укомплектовать хоть половину из них, нет. И неоперившиеся птенцы, сделавшие первые свои шаги в известных клубах, не хотят серьезно совершенствоваться дальше. Зачем утруждать себя изнурительным тренингом, если в одной из сотни новых команд им обеспечено уютное и нехлопотное существование?

Естественно, ходатаи, ратовавшие за новые команды, исходили из благих побуждений. Да и те, кто шел им навстречу, тоже: вроде бы больше команд — сильней футбол. А он сильней не стал, он лишь разведен пожиже. Не видел я среди команд-новичков действительно классных или хотя бы многообещающих. Пробавляются новые команды вольными или невольными подачками, которые перепадают им из старых футбольных центров. А вот ведущие клубы от этого пострадали. Никто не станет ведь спорить, что потускнела и во многом нивелировалась игра таких команд, как тбилисское «Динамо», «Спартак», «Торпедо», «Нефтчи» и «Крылья Советов».

Или другая реформа и тоже — из самых наилучших побуждений. Целое созвездие интереснейших мастеров выросло некогда в школах Москвы, Киева, Тбилиси в так называемых ФШМ. Школам тогда создали отличные условия — отдали хорошие поля, на зиму предоставили залы, летом ребят вывозили в оздоровительные лагеря, собрали хороших тренеров.

Но три школы хорошо, а десять лучше... Нехитрая эта логика родила идею: городские школы упразднить, а вместо них создать школы при каждом клубе мастеров. И создали. Только без тех залов, полей, лагерей, тренеров, что были у городских. Нет у нас пока всего этого в таком достатке, чтобы на каждую школу хватило. Не знаю, как в других городах, а в Москве с пополнением просто беда — получаем мы теперь из юношеского футбола самое настоящее сырье, в лучшем случае — полуфабрикаты. И постепенно команды, в которых прежде был, что называется, игрок к игроку, стали испытывать все обостряющийся голод на хороших футболистов всех амплуа, в пору хоть объявления давать: «Ищу центрфорварда», «Нужен квалифицированный диспетчер», «Возьмем быстрого крайнего». Но по какому адресу обращаться с такими предложениями?

Последним для меня чемпионатом мира был мексиканский, 1970 года. Последним и самым грустным. Потому, конечно, и самым грустным, что последним. А что последний, не мог я не понимать—к следующему мне должно было исполниться сорок пять. Я и в Мексику приехал уже не совсем в привычной для себя роли запасного вратаря и мог выйти на поле, только если с основным нашим вратарем Анзором Кавазашвили случится что-то непредвиденное.

И это тоже был повод для грусти. Два десятилетия, проведенные в футбольных воротах родной моей динамовской команды, и полтора — в воротах сборной, не утолили моего аппетита к игре. Моя хлопотливая должность мне не приелась. Если бы не непреодолимая в спорте возрастная преграда, я, вероятно, так никогда бы добровольно и не подал в отставку. Но годы есть годы. И вот в Мексике я уже запасной. А любой футболист знает, какая это неблагодарная обязанность—быть запасным.

Играли мы в Мексике неважно, хотя турнирный жребий не был к нам суров. Ни один из трех наших партнеров по группе — мексиканцы, бельгийцы, уругвайцы — в то время не относился к числу претендентов на высокие места в чемпионате. Да и никогда в послевоенном футболе сборные этих стран не стояли на одной доске с нашей. Но мы играли на этом чемпионате как-то вымученно, блекло и с более чем скромным итогом — ничья, победа, поражение — выбыли из борьбы.

Эта вот безликая игра нашей сборной была, пожалуй, главной причиной моей грусти. И невольно я сравнивал эту выступавшую в Мексике команду с тремя ее предшественницами — сборными, выступавшими в Швеции, Чили и Англии.

В Мексике обстоятельства сложились так, что дальнейшая наша турнирная судьба зависела от исхода встречи с уругвайцами. Восемь лет назад, в Арике, мы тоже оказались в одной группе со сборной Уругвая. И не слабей она была теперешней. И не меньше рвалась к победе. Но мы выиграли в Чили у злого, жесткого, стоящего у края пропасти противника. В мексиканском матче, во втором тайме, когда уругвайцы атаковали по левому краю и мяч, как нам показалось, пересек лицевую линию, наши защитники остановились как вкопанные. И они и вратарь. А свистка не последовало; то ли судьи не заметили, что мяч выкатился за пределы поля, то ли всем нам это только показалось, но свисток безмолвствовал, и уругвайцы, не теряя времени даром, воспользовавшись замешательством в наших рядах, подхватили мяч, подали его в нашу штрафную площадь, а оттуда направили в ворота. Счет стал 0 : 1. И от этой, то ли мнимой, то ли действительной, несправедливости наша команда так до конца матча и не оправилась. Ничего мы не сделали, чтобы переломить ход игры, вдохнуть в нее жизнь. Не сумели наши подбодрить друг друга, никто не увлек за собою остальных.

Да, не нашлось в Мехико бойца, человека с характером Никиты Симоняна или Игоря Нетто, Валентина Иванова или Иосифа Сабо.

Сборная всегда отражает состояние футбольных дел в стране. И вот сборная мексиканского чемпионата отразила серость, обезличенность, которая начала разливаться все шире по командам. Впервые в истории выступлений сборной на чемпионатах мира не сумела она проложить себе путь в четвертьфинал.

Уже после возвращения из Мексики, на каком-то спортивном вечере, мне пришлось отвечать на вопросы болельщиков. Был среди них и такой:

— Долго ли вы собираетесь играть?

Я ответил:

— Рад бы всегда, но думаю, что буду играть до тех пор, пока нужен родному «Динамо»...

А вскоре у нас в команде появился приехавший из Днепропетровска Володя Пильгуй — стройный, тоненький парнишка, которому трудно было дать его девятнадцать лет. Понятно, я стал внимательно приглядываться к игре моего юного дублера. Мне не потребовалось много времени, чтобы оценить его возможности. Быстрый, сметливый, прыгучий, обладающий мгновенной реакцией, отлично координированный, он подавал большие надежды. Естественно, ему многого пока не хватало — умения выбрать наилучшую позицию в воротах, понимания, когда нужно сыграть на выходе, а когда остаться на месте, способности руководить защитниками, знания кратчайших путей, какие ведут вратаря к встрече с мячом. Но он довольно легко усваивал тонкости игры, сама игра учила, и собственная старательность помогала, да и я, памятуя, сколько возился со мною в свое время Алексей Петрович Хомич, как мог, передавал Володе то, что накопил за долгие годы вратарской практики. Мы тренировались вместе, и, когда пришел день моего прощального матча, матча, в котором я защищал цвета родного клуба против сборной ФИФА, я в начале второго тайма уступил свой пост в воротах Володе Пильгую с легким сердцем.

И даже в минуты прощания, которым неизбежно сопутствует чувство грусти, главным все же было не оно, а чувство благодарности футболу, сделавшему мою жизнь счастливой, содержательной, наполнившему ее незабываемыми событиями, соединившему меня с людьми, общение с которыми помогло мне, рабочему парню, рано оставившему школу, получить уже взрослым человеком среднее, а затем и высшее образование в Высшей партийной школе.

Конечно же, футбол я не оставил и, думаю, не оставлю никогда. И московское «Динамо» не оставил. Я работаю в своем клубе и по характеру работы непосредствен-

---

ТВОРЯЩАЯ КРАСОТУ

Вышивка с незапамятных времен считалась любимым занятием грузинской женщины. В прошлом веке мастерицы прекрасно владели трудным искусством нагрудной вышивки золотом и серебром, которая была известна далеко за пределами Грузии.

Признание работ Маргариты Петровны Бараташвили пришло давно. Ее изделия, отражающие творчество одной из народностей Грузии (хевсуров), демонстрировались в 1937 году на Всемирной выставке в Париже. Французы назвали эту работу редчайшим художественным образцом рукоделия.

Маргарите Петровне 83 года. Свыше 50 лет своей жизни она посвятила художественной вышивке. Лучшим ее работам свойственны изумительная гамма красок, виртуозное исполнение. Бережно храня традиции мастеров прошлого, М. П. Бараташвили создает все новые и новые композиции декоративного искусства: художественные пояса, вышивки, монограммы, украшения, отделки, исполненные в грузинском национальном духе.

Известный искусствовед, директор Музея искусств Грузии, академик Академии наук Грузинской ССР Ш. Я. Амирана-

но связан с футбольной жизнью «Динамо».

...Как всегда, динамовский автобус привозит команду на матч, и мы торопливо, минуя толпу любопытных, проходим в раздевалку. Обычная предыгровая суета. Те же старые, как мир, незлобивые подшучивания друг над другом, те же последние тренерские напутствия.

Все как всегда... Все, да не все...

Одиннадцать человек выбегут на травяной газон, окаймленный людским морем, и в течение девяноста прекрасных минут будут своей игрой вызывать радость, огорчение, овации, свист, счастливые и разочарованные вздохи трибун. А мне не надо спускаться в туннель, ведущий на поле. Я поднимусь в динамовскую ложу и окажусь по другую сторону футбольной сцены, не среди действующих лиц, а среди зрителей. И буду, как все, радоваться, огорчаться, вздыхать. Иная жизнь...

Понятно, моя радость — удачи «Динамо», мои огорчения — его поражения. Как каждый болельщик, я пристрастен. Но не только к «Динамо», а и к сборной. И еще я пристрастен к вратарям. На месте каждого из них вижу себя. Мысленно бросаюсь в углы ворот, команду партнерами, выхожу на перехват мячей и даже — не смейтесь — достаю мячи из сетки.

Однако и здесь у меня больше поводов для радости, чем для печали. Всякие времена знавал наш футбол. Но хорошими голкиперами не был беден никогда. Как зритель, я еще застал в воротах Владимира Жмелькова и Алексея Леонтьева. Когда я только начинал, еще играли Анатолий Акимов, Владимир Никаноров, Леонид Иванов. Мой учитель — легендарный Алексей Хомич. Будучи уже зрелым вратарем, а затем перейдя и в категорию вратарей-ветеранов, я всегда был уверен в абсолютной надежности своих партнеров и коллег. Сперва это были Олег Макаров и Борис Разинский, потом — мой одноклубник Владимир Беляев, позже — Владимир Маслаченко, Сергей Котрикадзе, Виктор Банников, Анзор Кавазашвили (кстати, почти все они, как и я, обладатели Кубка «Огонька»). Их я знал хорошо. Разные они люди, разной была степень нашей близости. Но в чем-то и похожие. Каждый — человек-кремень. Словно сам футбол отбирал на пост в воротах людей прочного, надежного характера.

Теперь я слежу за вратарями с трибуны. Им, думаю, никак не легче, чем было нам. Пожалуй, даже трудней. Теперь и атакуют и обороняются большими силами, в штрафной площади, как правило, скапливаются по полтора десятка игроков. Мяч мечется на пятачке в несколько квадратных метров, прочерчивая линии ломаные и замысловатые. Порою кажется, что линии эти не соответствуют логике игры. И как же надо понимать игру, как держать себя в руках, какие железные нервы надо иметь, чтобы в этой обстановке сохранять ясную голову, не дрогнуть, не попасться на удочку ложного выпада и выбрать единственно спасительную позицию и единственно верное решение! Да, усложняется футбольная тактика, универсальнее становятся футболисты и усложняются функции вратаря.

Считается, что футбол, как и спорт вообще, молодеет. Если и верно это утверждение, то к вратарям оно не относится в той же мере, как к остальным игрокам команды. Нынешний футбол требует от вратарей как никогда раньше глубокого понимания игры, а это приходит лишь с годами, с большой практикой. И меня совсем не удивляет, что после ухода нашего поколения во главе вратарской школы встал не кто-нибудь, а самый старший из действующих вратарей — Евгений Рудаков, трехкратный обладатель огоньковского Кубка. И что созрел он полностью как мастер к тридцати примерно годам. И что после тридцати не потускнела его игра, а стала богаче, глубже содержанием, надежней, мудрее.

И его преемники тоже незаурядные футболисты. Я имею в виду Володю Пильгуя, Александра Прохорова, Владимира Астаповского, Николая Гонтаря. Меня подкупает их фанатичное отношение к делу. Это не просто труженики, это люди страстные, неутомимые в работе, непримиримые к своим промахам и недостаткам. Не у всех еще надежность Рудакова, но это лишь подтверждает мою мысль о зрелом вратарском возрасте.

...Последние страницы этой главы я дописываю в дни, когда наша сборная порадовала победами над командами Турции, Ирландии, Италии, Швейцарии, когда киевское «Динамо» завоевало Кубок Кубков, а затем и новый для европейского футбола приз — Суперкубок.

Да, в нашем футболе появился настоящий лидер, команда, на которую не могут не равняться теперь остальные. И стоит равняться. Свою силу, свой международный класс наш лучший клуб испытал на таких уважаемых во всем мире командах, как болгарское «Септемврийско знамя», голландский «Эйндховен», венгерский «Ференцварош», «Эйнтрахт» из ФРГ, а затем достойно провел две встречи с обладателем Кубка европейских чемпионов — клубом из ФРГ «Бавария».

Свежим ветром повеяло в нашем футболе. И вот мы уже видим, что вновь появляются команды с собственным лицом, с ярким почерком — «Торпедо», «Арарат», московское «Динамо». Это — доброе предзнаменование. Оно рождает надежды, что времена процветания не за горами.

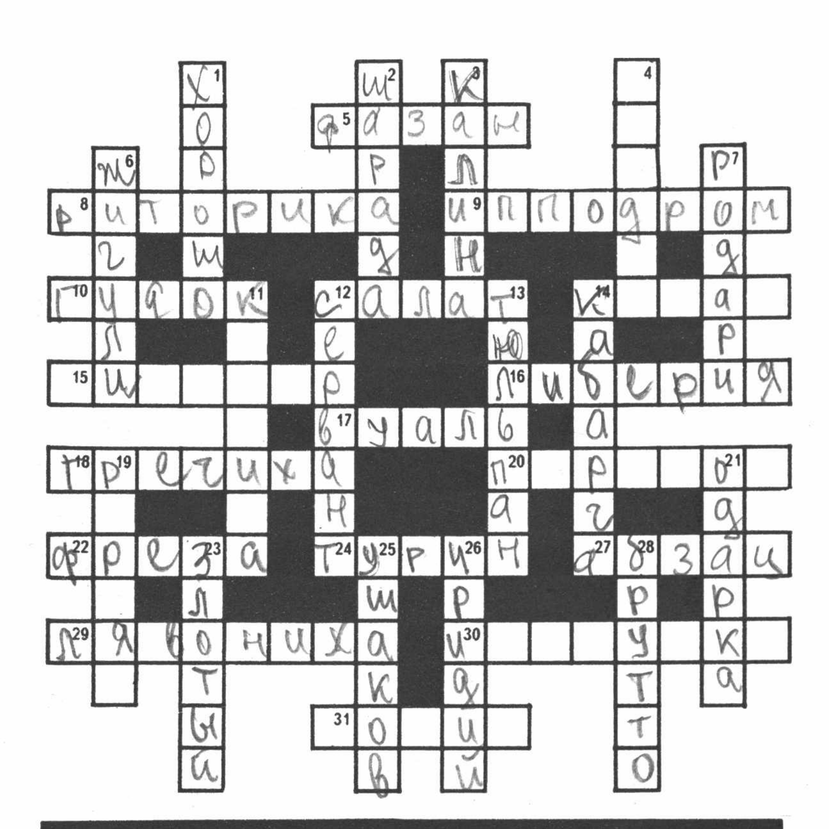
Литературная запись Евг. Рубина.

швили так оценивает творчество М. Бараташвили: «Ее изделия декоративного искусства привлекают художественной ценностью, творческой силой, большим мастерством исполнения. Тонкий вкус, своеобразный творческий поиск характерны для каждого ее изделия. Она по-новому выразила традиции старинной грузинской культуры, наполнила их новым содержанием».

Маргарита Петровна, несмотря на свой преклонный возраст, продолжает свою любимую работу, создавая новые образцы, отличающиеся изяществом и большим вкусом. В настоящее время грузинское издательство «Искусство» подготовило альбом с красочными иллюстрациями работ М. П. Бараташвили.

Г. МАКСИМОВА

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Птица отряда куриных. 8. Учение об ораторском искусстве и красноречии. 9. Место конноспортивных соревнований. 10. Газета железнодорожников. 12. Овощ. 14. Рассказ А. П. Чехова. 15. Немецкий химик. 16. Государство в Африке. 17. Легкая, прозрачная ткань. 18. Растение-медонос. 20. Роман О. Гончара. 22. Режущий инструмент. 24. Город в Италии. 27. Красная строка. 29. Белорусская народная песня и танец. 30. Персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир». 31. Столица европейского государства.

По вертикали: 1. Поэма В. Маяковского. 2. Загадка. 3. Ягода. 4. Южная зона арктического пояса земного шара. 6. Марка советского автомобиля. 7. Автор «Приключений Чиполлино». 11. Река в Ростовской области. 12. Низкий буфет. 13. Цветок. 14. Животное семейства оленей. 19. Советский живописец, народный художник СССР. 21. Действующее лицо оперы С. С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». 23. Денежная единица Польши. 25. Русский флотоводец. 26. Металл. 28. Вес товара вместе с упаковкой.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали:

4. Звягинцев. 9. «Богатыри». 10. Антрацит. 11. Варакушка. 12. Хорей. 13. Пихта. 15. Штамп. 18. Апофема. 19. Реплика. 20. «Мельник». 23. «Гургули». 26. Ижора. 27. Олень. 30. Тальк. 31. Детонатор. 32. Лисициан. 33. Фонвизин. 34. Почтальон.

По вертикали:

1. Дворжак. 2. Гиппократ. 3. Черника. 5. Гондола. 6. Магнето. 7. «Дачники». 8. Пилотка. 14. Гейне. 15. Шашки. 16. Прага. 17. Апорт. 20. Малыгин. 21. Ленский. 22. Горностай. 24. Ударник. 25. Ильюшин. 28. Мегафон. 29. «Колобок».

На первой странице обложки:

Звеньевой совхоза «Московский», Ростовской области, Герой Социалистического Труда Н. В. Бочкарев с будущими механизаторами, учащимися СПТУ-5. (См. в номере очерк Н. Быкова «Звено».)

Фото А. Гостева

На последней странице обложки:

М. Бараташвили. Художественная вышивка.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 27/X — 1975 г. А 00671. Подп. к печ. 11/XI — 1975 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2512. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 1293.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

На занятиях в радиокибернетическом кружке.

Что такое Макаренковские среды? Это серьезные разговоры о воспитании за чашкой чая у научного руководителя форпоста Э. С. Кузнецовой.

Школьники — частые гости на производстве.

Как получилось, что этот обыкновенный московский дом приобрел широчайшую популярность?

О нем пишут в центральных газетах и специальных педагогических трудах. О нем говорят на комсомольских и учительских конференциях. Здесь встречаются на семинарах комсомольские секретари, методисты домов пионеров и педагоги из многих городов страны.

Улица Доватора, 14, вход со двора. Ехать лучше всего до станции метро «Спортивная», а там уж рукой подать, и любой подросток, который попадется навстречу, расскажет вам, как пройти кратчайшей дорогой. Что же там, на улице Доватора?

...Задумано это было как прохождение общественно-педагогической практики студентами Московского педагогического института имени В. И. Ленина. Поддержали начинание Ленинский райком комсомола, комсомольские комитеты института и трех близлежащих школ, Макаренковская секция Педагогического общества Российской Федерации, кафедра педагогики МГПИ. ЖЭК № 20 Ленинского районного жилищного управления предоставил просторное помещение. Что еще нужно для хорошего начинания? Энтузиазм. Организаторы нового дела обладали им в избытке.

И вот веселое, шумное, любознательное ребячье общество поселилось в комнатах цокольного этажа. Они из тех, которые обычно пустуют годами, оживляясь в редкие дни общих собраний жильцов. И началась там кипучая, полная романтики жизнь.

Студент пятого курса Юра Березкин, будущий педагог, называется здесь командором дружины форпоста; Ричард Соколов — комиссар, а студентка Саша Максимова — командир тимуровской команды. В дни торжественных линеек и сборов у красных знамен дружины стоят в карауле ребята в буденовках.

Работает интереснейший детский и юношеский клуб, с секциями, штабами, комиссиями, советами, с двумя десятками кружков. На все вкусы! Кибернетика и настольный теннис океанография и фотолюбительство, живопись и туризм... С ребятами тут встречаются композиторы, актеры, летчики. Люди большой науки и ветераны труда, герои гражданской и Отечественной войн ведут беседы с юношами.

У ребят воспитывают самостоятельность и общественную активность. Все делается своими руками: от мытья полов и стирки занавесок до оборудования собственной киностудии.

Задуманный опыт удался. Для будущих педагогов это богатейший источник понимания внутреннего мира подростка. Семья, школа благодарны студентам за помощь. А самим ребятам здесь интересно и весело!

М. АЛЕКСАНДРОВ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

ИНТЕРЕС

Ребята из дружины в гостях у заслуженного художника РСФСР Б. М. Неменского.

Снимается фантастический фильм. Комиссар Р. Соколов, он же режиссер.

НО, ВЕСЕЛО РЕБЯТАМ!

Инструментальный ансамбль. В центре — художественный руководитель, школьник Сережа Яковлев.

Самые младшие — «чебурашки».

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

